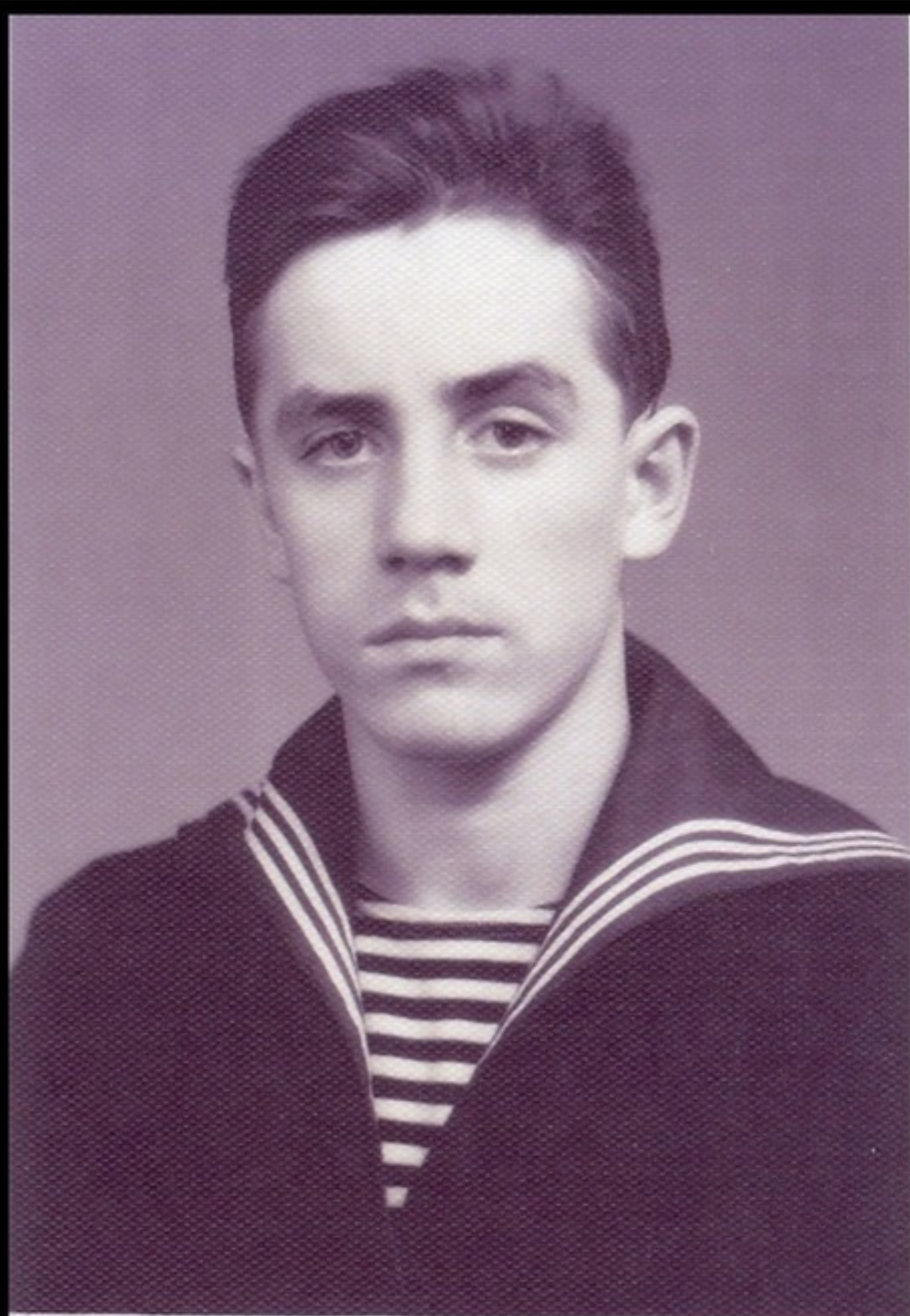

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ

Море — наша любовь и беда

Валентин Иванов

Море – наша любовь и беда

«Издательские решения»

Иванов В. Я.

Море – наша любовь и беда / В. Я. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503443-4

Книга содержит воспоминания о наиболее ярких страницах жизненного опыта человека, поменявшего профессию моряка на занятия наукой, побывавшего в разных точках нашей замечательной планеты, который в конце жизненного пути может с удовлетворением сказать: «Я сумел воплотить в своей жизни практически всё, о чем когда-то мечтал в молодости, хотя это было сделать совсем не просто».

ISBN 978-5-00-503443-4

© Иванов В. Я.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Истоки	7
Дальневосточное детство	7
Детские игрушки	13
КЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ СТАТЬ?	23
МОРЕХОДКА	27
Поступление	27
Санька	31
Козлик	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Море – наша любовь и беда

Валентин Яковлевич Иванов

© Валентин Яковлевич Иванов, 2019

ISBN 978-5-0050-3443-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выбор морской карьеры для островитянина представляется вполне естественным. Морской прибой ежедневно обрушивает свои пенные валы на скалы почти у порога твоего дома. Кажется, там, на горизонте, гонимый вечерним бризом, в любую минуту может появиться белоснежный парусник, который унесёт тебя в далёкие страны, к неведомым архипелагам, сулящим серьёзные опасности и необыкновенные приключения.

Всем этим были наполнены мои школьные годы, когда я зачитывался «Островом сокровищ» Роберта Луиса Стивенсона, «Пятнадцатилетним капитаном» Жюль Верна, «Тружениками моря» Виктора Гюго, «Морскими рассказами» Константина Станюковича, приключениями капитана Головина. Эти книги до сих пор остаются в моей памяти знаковыми. Шансы стать моряком по причине слабости здоровья были небольшими, если не сказать эфемерными. И только неукротимая вера в своё предназначение и железная воля помогли преодолеть все препоны, чтобы достичь заветной цели.

Жизнь моряка оказалась не совсем такой, как она описывалась в приключенческих книгах, но, впрочем, романтики и приключений в ней было более, чем достаточно. Хотя этот морской период составлял относительно небольшую долю в моей беспокойной жизни, но именно он остался в памяти, как наиболее насыщенный интересными людьми и яркими событиями, достойными описания в отдельной книге. Там было немало, как романтических, так и подлинно трагических страниц, которые потом много лет вспоминаешь и переживаешь многократно, перед тем как заснуть.

Впервые я написал свои «Морские повести и рассказы» и издал отдельной книжкой для своих друзей-моряков к сорокалетию нашего выпуска из Сахалинской мореходки, когда находился очень далеко от них, в чужой стране, на другом полушарии. Затем мы встречались, вспоминали свои молодые годы с оттенками радости и грусти, поскольку многих из нас к тому времени было недосчитать, а следы других затерялись на бескрайних просторах нашей Родины. К пятидесятилетнему юбилею выпуска мы твёрдо знали лишь о двенадцати сокурсниках, из которых трое пережили инсульты, зато трое других всё ещё выходили в море.

26 августа 2019 года

Истоки

Дальневосточное детство

О военной компании отец никогда не вспоминал. Некоторые скудные сведения я сохранил лишь из разговоров мамы, которая во время военных действий Советской армии в Манчжурии успела побывать там в завершающей их части. Конечно тяготы войны, её кровь, зверства и людские потери в войне с Японией, ни в какой мере, не сравнимы с теми, что имели место на Западе. Победа над Германией во многом уже предопределила главный результат этой войны на востоке, и многие считают, что наши войска прошли по территории Манчжурии победным маршем. Это справедливо лишь отчасти. Наши войска, всю войну стоявшие в запасе на восточных рубежах, не имели опыта проведения военных операций в гористой местности, поэтому горы под огнём противника преодолевались нелегко. Топливо танкам доставлялось самолётами. Однако, перевес в технике и опыте боевых действий частей, прибывших с западного фронта, был столь значителен, что наиболее активная часть боевых действий составила менее двух недель.

Отец был командиром минометного взвода. Хотя миномёты стреляют, как правило, навесным огнём из закрытых позиций, на войне возможно всякое, и отец получил легкое ранение.

После войны он прослужил в армии недолго, шли массовые сокращения времён хрущёвской оттепели. Оставляли только кадровых военных, получивших полноценное военное образование и имевших значительный опыт боевых действий, а всех, наскоро окончивших офицерские курсы за три месяца, демобилизовали. Дело это понятное: стране нужно, так или иначе, переходить на мирные рельсы, поэтому бывшие танкисты становились трактористами или шофёрами, артиллеристы – бухгалтерами. Вот мой отец и закончил бухгалтерские курсы, поскольку умел быстро проводить в уме сложные вычисления.

Осели они в городе Облучье, где у моей мамы жили братья и её собственная мать. Старший брат Иван был на ответственной должности в дистанции связи железнодорожного управления. Туда отец и устроился бухгалтером. Способности у него были, и он быстро продвинулся до главного бухгалтера, часто ездил с инспекционными поездками по филиалам этого управления.

Были, однако, две проблемы. Первая состояла в том, что в семье долго не было детей. Тогда они взяли из детского дома Анечку трёх лет от роду. Только долго насладиться семейным счастьем не удалось. Родная мать этой девочки, запойная пьяница, в минуты просветления озаботилась вдруг вернуть себе дочку. Понятно, что в детском доме ей отказались говорить, где девочка. Каким-то неведомым образом эта мамаша узнала адрес и однажды нагрянула в Облучье. Родители мои оба были на работе, а дочку оставили с бабушкой. Каким образом эта пьянчуга умыкнула дочку, мать моя никогда не упоминала. Придя с работы они бросились её искать. Сначала посетили детдом, где им сказали адрес, по которому когда-то жила непутёвая мамаша. Когда родители, наконец, нашли этот дом, было уже поздно. Пьянчуга-мать, будучи в разобранном состоянии, решила искупать дитя, посадила её в ванну, а на печке в чугунок грелась вода, чтобы обмыть ребенка. Ничего не соображая, мамаша и вылила весь этот чугунок с кипящей водой в ванну. Сварила, в общем, ребёнка. Умерла Анечка в страшных муках.

Пережив эту трагедию, через год родители взяли в детдоме рыженького смышенного мальчика четырех лет, которого звали Санькой. Проказник был с детства, но для мальчишки это считается нормальным. Через год появляется свой первенец, которому дают имя Женя,

а еще через год появился на свет и я. На этот раз ждали девочку, даже имя подобрали – Валя. Вот так семья стала, наконец, полной – три сына росли.

Со второй проблемой было посложнее. Отец мой был человеком общительным, много читал, играл на гитаре и мандолине, обладал неплохим тенором и был душой любой компании. Собирались вечерами то у одних друзей, то у других, выпивали, пели песни, танцевали под патефон, вспоминали войну, поднимали тосты за погибших друзей и родственников. Мать же росла в многодетной крестьянской семье, окончила лишь трёхмесячные курсы учителей и немного поработала в глухих селах по программе ликвидации безграмотности у крестьян. Нигде, кроме Манчжурии, побывать не успела, потому и вспомнить в разговорах было нечего. По этой причине компании она не любила, предпочитая заниматься появившимися детьми.

Так отцу временами приходилось в компаниях появляться одному, а мать тем временем нервничала. Живо представляя, как он там играет на гитаре или танцует с хохочущими подзрительными девицами. Понятно, что по возвращении отца из гостей закатывались скандалы. Тогда отец уходил гулять назло, чтобы не слышать криков и брани. Стал напиваться и приходиться заполночь, а потом и вовсе образовалась чисто мужская компания собутыльников-фронтвиков. Мать же не нашла ничего лучше, как ходить по парткомам и профкомам с требованием: «Вы власть, верните семье мужа». Это уже ничем хорошим кончиться не могло – нашла коса на камень. Отца сняли с должности. Он из гордости уволился и перевёлся бухгалтером в один из филиалов железнодорожного управления, который располагался не очень далеко от Облучья.

Вот с этого места, с города Тырмы начинаются мои детские воспоминания. Мы прожили там три года. Хорошо помню, что мы держали кроликов, я любил кормить их клевером. Здесь же получил первые впечатления о жестокостях жизни. По какой-то неведомой мне причине, после того, как крольчиха принесёт детёнышей, их следовало сразу же забирать у неё, иначе крол начинал их придушивать или даже поедать. Здесь же познакомился с соседями, у которых были дочь Нина и сын Адик. Нина была постарше меня, да к тому же девчонка, поэтому я дружил с Адиком. Это был воспитанный и аккуратный еврейский мальчик, который заметно картавил. Мы же с братьями были босяками в самом исходном значении этого слова, то есть три сезона в году бегали босиком, росли и взрослели на улице. Дрались и курили с местными пацанами, когда купались на речке. Там была полная демократия, и затануться из самокрутки давали каждому желающему, даже таким соплякам, как я. Но Адик, видимо, что-то воровал у родителей – может быть варенье, а может и деньги. За это его регулярно пороли, отчего он громко орал, явно рассчитывая на театральный эффект для соседей: «Мамочка, не бей меня. Я больше никогда-никогда не буду. Только не бей!».

Отец мой продолжал пить, и ему грозили уволить по статье 47в, а однажды предложили: «Сейчас реализуется программа партии по развитию отдаленных районов Заполярья и Дальнего Востока. Или ты завербуешься на три года, или мы тебя уволим по статье». Выбор был небольшой, и отец выбрал Сахалин. Ему выдали подъёмные, мы собрались всем семейством, кроме бабушки – она тогда уже умерла. Сели на поезд, заняв купе целиком, и поехали по Транссибирской магистрали до Владивостока. Ехали долго, почти неделю. Нам с братьями это путешествие очень понравилось. Всё было в первый раз в жизни. Сердце замирало, когда поезд втягивался в очередной тоннель и становилось совершенно темно, а тоннелей этих было немало. На больших станциях поезд стоял подолгу, можно было купить горячей варёной картошки, хлеба и овощей.

Владивосток был настоящим Вавилоном. Свободных мест на скамейках вовсе не было. Сложили в кучу чемоданы, сидели верхом – так надёжней, не украдут. Отец ушел за билетами на паром, а мать вместе с нами сидела на чемоданах. Напротив на скамейке, заложив ногу за ногу, сидел прилично одетый молодой мужчина. Чтобы как-то скоротать время, мать разговорилась с ним, сообщив, что мы едем на Сахалин, на новое место работы и жительства.

– А Вы где живёте, где Ваш дом? – спросила она.

– У меня три дома, – ответил мужчина.

– Как это, три?

– В самом деле, три: вокзал, базар и милиция. На вокзале я ворую, на базаре продаю, а в милиции частенько ночую. Так вот и живу – ни тебе забот, ни хлопот.

Мать побледнела, окинула испуганным взглядом чемоданы и замолчала. Ей даже в голову не пришло, что человек этот мог просто разыграть словоохотливую и недалёкую бабу с узлами и детишками.

Через сутки мы всходили по трапу на пароход, который должен бы доставить нас в порт Корсаков на Сахалине. Эта часть путешествия мне с братьями показалась ещё интереснее – нас ждали настоящие приключения, возможно даже с пиратами. Билеты у нас были самые дешёвые, третьего класса. Каюты, соответствующие этим билетам, располагались ниже ватерлинии, поэтому там не было иллюминаторов и было очень душно. Впрочем, мы в этой каюте практически не бывали, поскольку самое интересное происходило на палубе. Оказывается, существуют так называемые палубные билеты, которые ещё дешевле, чем наши. Палубные пассажиры сильно напоминали цыган. Они расстилали тюфяки прямо на палубе, тут же спали и ели. Чемоданов у них не было. Только заплечные мешки и котомки, в которых никаких ценных вещей, по определению, быть не могло, поэтому воров они не боялись – сами прихватывали, что плохо лежит.

Отец большую часть времени проводил в ресторане, который правильнее было бы называть столовой по качеству непривлекательной еды, но там стоял бильярдный стол, а в баре подавали вино и пиво. Мы с братьями весь световой день играли на палубе, в каюту спускались только на ночлег. Зато мама сразу после отхода судна от причала лежала, не поднимая головы, только стонала и «травила» содержимое желудка в цинковый тазик. Дело в том, что в Охотском море меньше трёх баллов волнения практически не бывает, а нас прихватывало и до шестивосьми баллов. Так мы путешествовали около трёх суток, и когда сходили в Корсакове, мама едва держалась на ногах от слабости.

Затем мы купили билет на поезд до города-порта Поронайск, куда у отца было назначение. Ещё сутки ехали на поезде, с любопытством взирая через окно на мелькающие сосны и берёзки. Сахалин – это почти целиком гористый остров. Железная дорога идёт, большей частью, вдоль побережья, поэтому в окне открывались либо морские пейзажи, либо сопки, поросшие смешанным лесом.

Поронайск оказался довольно оживлённым городом, только очень грязным. Главными предприятиями здесь были цементный завод и целлюлозно-бумажный комбинат. Завод был круглосуточным генератором серой пыли, так что вывешенное на просушку бельё собственно белым уже быть не могло. Комбинат был таким же круглосуточным генератором вони, но к ней за неделю-другую привыкаешь, и далее уже не замечаешь вовсе. Зато комбинат производил очень качественную мелованую бумагу, которая целиком шла на экспорт через порт, где стояло множество иностранных торговых судов. Кроме того, в окрестностях было несколько рыбных колхозов, поэтому вонь от комбината в порту перебивалась запахом свежей рыбы и гниющих морских водорослей, выбрасываемых на берег штормовыми приливами.

В Управлении отца направили бухгалтером... на местный пивзавод. Мама охнула, но путей отступления уже не было. Впрочем, проработал он там недолго, что-то около полугода, а потом его перевели в военный посёлок Леонидово. Но я слегка забегаю вперёд. В Поронайске я пошел в первый класс. Здесь уже начались приключения, которые многое изменили в моей жизни. Я сильно простудился, будучи непривычен к сырому, промозглому климату, который типичен для острова. У меня оказалось двухстороннее воспаление лёгких, а поскольку мест в больнице не было, мама носила меня на уколы на своём плече, завернув в байковое одеяло, как в кокон.

После курса лечения, я продолжал надрывно кашлять, и мне поставили диагноз – осложнение, бронходенит. Не знаю, это ли обстоятельство повлияло или опасения матери относительно влияния пивзавода на увлечения отца, но она настояла, чтобы нас перевели куда-либо подальше от моря. Так мы оказались в Леонидово, что в двадцати восьми километрах от Поронайска. Туда можно добраться по железной дороге до станции «Олень», но проще местным автобусом, который ходил два раза в сутки.

В Леонидово стояла дивизия, в которую входили танковый полк, артиллерийский, мотопехотный и полк морской авиации. Немногочисленное гражданское население работало в качестве obsługi этой дивизии в магазинах, школах, Доме Офицеров и банно-прачечном комбинате. В последний и был переведён отец главным бухгалтером.

Практически весь жилой фонд этого поселка и всех остальных в южной половине Сахалина был построен японцами. Типовые одноэтажные дома, сложенные из серого кирпича, строились на двух хозяев, с капитальной стеной посередине и отдельными входами с противоположных торцов. Число комнат внутри квартиры было условным, поскольку двери были только у бани, туалета и между холодной и тёплой частями жилого пространства. В средней части Сахалина японцы зимой не жили, используя эти дома лишь в тёплое время, как у нас используют дачи. Поэтому приехавшие сюда русские, первым делом, по периметру здания устраивали завалинки, засыпая их шлаком или опилками, иначе зимой тепло в здании было не удержать. В холодной части дома держали дрова и уголь, поскольку отопительный сезон здесь составляет около полугода.

Тёплая часть при японцах представляла единое прямоугольное помещение, которое на «комнаты» разгораживалось передвижными ширмами, сделанными из реек и оклееными папиросной бумагой. Вселяющиеся русские тут же начинали делать дощатые стены, разделяя пространство на привычные нам комнаты. Туалет был стандартный, солдатского типа с выгребной ямой, поэтому зимой там было достаточно холодно. Интересной была баня. В небольшой комнатке кирпичом выкладывался низкий фундамент, на который водружался огромный чугунный или медный котел, под которым разжигался медленный огонь. В котел наливалась вода, и после её согревания моющийся залезал в котёл сверху. Там он сначала распаривался, как в ванне, а потом мылся. Поскольку русский человек мыться в котлах не привык, он рядом с котлом соорудил полку, а котёл использовал только в качестве ёмкости для горячей воды.

Зимой нередко выпадало столько снега, что дома после снегопада оказывались полностью погребены под снежными массами, только трубы торчали вверх. В таких случаях, утром, прежде всего, нужно было спрессовать снег при попытке открыть наружную дверь, а потом окапываться, утрамбовывая снег по сторонам прохода.

В посёлке был свой центр, точкой отсчета которого служил Дом Офицеров. Он же был и культурным центром. Отсюда в сторону станции шла дорога, по правой стороне которой после того, как минуешь станцию, располагались авиаторы, затем пехота и артиллеристы. Танковый полк стоял в самом конце этой линии, а напротив него слева располагался стрелковый полигон. Все полки были огорожены заборами в два с половиной метра, имели КПП (контрольно-пропускной пункт) и ворота для проезда техники. На территории каждого полка был свой солдатский клуб. Поскольку солдаты ходят в кино бесплатно, туда не слишком сложно было проникнуть и пацанам.

В посёлке были две двухэтажных школы – в центре и на окраине танкового полка. Поскольку наша семья поселилась на окраине, в эту окраинную школу я и пошел в первый класс. Школа эта была начальной, а центральная давала полное среднее образование. Туда же пошли и мои братья – Женя во второй класс, а Санька в третий. После уроков мы не торопились возвращаться домой, а направлялись в спортгородок танкового полка, заодно посматривая, нет ли сегодня фильма в солдатском клубе. Летом мы целыми днями пропадали в полках либо на полигоне. Обедали в солдатских столовых. Там была пища для настоящих мужчин –

как правило, гречневая или перловая каша – намного вкуснее, чем дома. Домой приходили только ночевать, но родители смотрели на это совершенно спокойно.

Приключения мои начались прямо с первого класса. Поздней осенью лужи покрывались льдом, и на переменах мы катались по этому льду на ботинках или сапогах. Как-то раз, сильно разогнавшись, я споткнулся и упал на выставленную вперёд правую руку. Почувствовал боль, но на морозе она была терпимой. На уроке учительница обратила внимание на мой бледный вид и, осмотрев руку, которую я прятал под крышкой парты, тут же отправила меня в госпиталь, где мне наложили гипс. Первоклашки в это время осваивали азы чистописания, выводя палочки и крючочки в тетрадах-прописях. Я так наловчился писать эти крючочки левой рукой, что после снятия гипса была целая проблема заставить меня писать правой, как положено нормальному советскому ученику. Писать левой в школе было категорически запрещено. Тут дело было ещё и в том, что писали мы стальными перьями. При этом важно было не просто правильно отобразить контур буквы, но изобразить её под правильным наклоном и с правильным нажимом, когда вертикальные движения пера должны оставлять более жирный след, чем соединительные линии, а переход между жирной линией и тонкой должен быть непременно плавным. Пиша левой, я делал наклон букв в противоположную правильной стороне. Позже я узнал, что каллиграфические муки у китайцев несравнимо больше, чем у советских детей.

Как только меня переучили сносить писать правой рукой, случилась «вторая часть мармизонского балета». Наш поселок и несколько других окрестных снабжались электроэнергией от Поронайской ТЭЦ. Поскольку в Поронайске было несколько предприятий, которые днём потребляли значительную часть этой энергии, в районе семи часов вечера происходило переключение режима работы ТЭЦ с дневного на вечерний. При этом лампочки в домах мигали, и частенько свет гас на полчаса, а то и более. Во всех военных госпиталях, клубах и казармах на этот случай были предусмотрены дизельные генераторы, а в домах у всех наготове стояли керосиновые лампы.

В тот злополучный вечер родители пошли в кино, а мы с братьями остались дома. Телевизоров тогда не было, мы обычно читали книжки или тайком от родителей покуривали отцовские папиросы. Тут, главное, было вовремя услышать скрип калитки и руками разогнать дым, прежде чем войдут родители. Иногда нас застукивали, давали подзатыльники и говорили «правильные слова» о вреде курения. Слова, понятно, не оказывали решительно никакого воздействия, а подзатыльники вовсе не воспринимались как нечто обидное – скорее как напоминание не хлопать ушами.

У всех пацанов в посёлке было немало ценных армейских вещичек. К таким относилась, например, офицерская линейка из целлулоида, которую можно купить в любом магазине военторга. Там же продавались погоны, значки и эмблемы разных родов войск. В этот вечер в руках у меня оказалась такая линейка, которая имеет множество прорезей, чтобы рисовать на тактических картах обозначения танков, орудий, пулеметов. Когда погас свет, мы сняли стекло у лампы, чиркнули спичкой, зажгли фитиль и поставили стекло на место, подкрутив сбоку уровень пламени, чтобы было достаточно светло и, в то же время, фитиль не коптил.

Все братья уселись за столом вокруг лампы, и я подумал: «Как, интересно, будет плавиться линейка от пламени лампы или нет?». Вопреки моим ожиданиям, линейка не стала плавиться, а вспыхнула ярким огнем, который сразу же лизнул мою ладонь правой руки. Я же, вместо того, чтобы бросить линейку, стал размахивать ею, надеясь потушить пламя. Однако, от моих движений пламя вспыхнуло ещё ярче от притока кислорода и охватило всю нижнюю часть руки. Боль была столь сильной, что я в ужасе подскочил к ведру с холодной водой, стоявшему на лавке, и сунул в него руку. Боль на мгновение притихла, но, стоило вынуть руку из воды, она начинала полыхать с новой силой. В это время хлопнула входная дверь, и в сенях послышались звуки снимаемой обуви. Это родители вернулись из кино.

Я юркнул под одеяло на своей кровати и затаился, решив, что родители меня непременно накажут за эту мою шалость. Чтобы вытерпеть адскую боль, я навалился всем телом на пылающую руку. Так боль казалась чуть слабее. Однако, долго лежать неподвижно не было сил, и я ворочался, сжав зубы от боли. Когда мать обратила внимание на мое странное поведение, и мне пришлось вытащить руку из-под одеяла, ладонь и тыльная часть кисти были покрыты сплошными волдырями от ожогов. Мать тут же приложила тряпочку, смазанную маслом, и отец отнёс меня в госпиталь. Там мне поставили диагноз: ожог кисти второй степени, сделали протитивошоковый укол и перебинтовали пракую руку до кисти. Через три дня я пришел в школу с рукой на перевязи. Ожог заживал более месяца, и я снова писал палочки и крючочки левой рукой. После снятия повязки переучиваться писать правой оказалось ещё сложнее, и я сразу же переходил к использованию левой, как только учитель не смотрел на меня. Так я и остался левшой на всю жизнь. Писать кое-как правой я всё же научился, но кидать камни, пилить ножовкой и рубить топором до сих пор могу только левой.

Детские игрушки

*«Про войну будут детские игры
с названьями старыми,
и людей будем долго делить
на «своих» и «врагов»...»
В. С. Высоцкий*

В посёлке стояла дивизия, и гражданских лиц почти не было, не считая корейцев, численность которых составляла около половины населения. Остальные были – офицеры и их семьи. При дивизии имелся банно-прачечный комбинат, куда нашего отца определили главным бухгалтером. Как и во всяком поселке, здесь была одна главная улица, вдоль которой и располагались полки: сначала танковый, затем артиллерийский, пехотный, а позднее еще добавили полк дальней морской авиации. Остров, вплоть до перестройки, как и Владивосток, считался погранзоной, и попасть сюда гражданскому человеку было непросто. Поселок наш пересекала горная речка Леонидовка, на левом берегу которой жило корейское население, а на правом стояла дивизия. Корейцы, среди которых могли быть японцы и китайцы (мы все равно не смогли бы их различить), считались потенциальными осведомителями иностранных разведок, и нередко по поселку ходили слухи, что тот старик, который собирал по помойкам бутылки и здорово гадал бабам по руке, оказался японским полковником и резидентом разведки. По отношению к советской власти корейцы не определились, паспортов не имели, в государственных организациях не работали, а жили продажей на рынке овощей с огородов. В огородничестве же они были великими спецами, поскольку для того, чтобы вырастить, например, помидоры в этой полосе требовалось немалое искусство, ибо солнца летом явно не хватало для из вызревания. Каждый кустик огурцов или помидоров они накрывали специальными колпачками из папиросной бумаги, защищая растения от сырого морского ветра. Как только показывалось солнышко и стихал ветер, колпачки открывались, а с заходом солнца или с началом ветра – закрывались. Так вот целыми днями и работали они, согнувшись в три дуги, на своих огородах. Только один кореец работал фотографом, но бабы говорили, что и фотография у него частная, а не государственная, хотя это и не предусматривалось законом. Был ещё один, работавший парикмахером. Потом, в начале шестидесятых вышло им постановление принять советское гражданство или уезжать в свою Корею. Но время шло, немногие уехали, а большинство так и продолжало жить без паспортов.

Мы жили на окраине поселка, рядом с танковым полком. Жилые дома, общей численностью около сорока, располагались вдоль трех улиц, соединенных буквой «П». В центре возвышалась школа – единственное двухэтажное здание в этой части поселка. Полк был обнесен высоким забором и имел два КПП, через которые нас, пацанов свободно пропускали, поскольку на территории воинской части находились магазин Военторга и клуб. Однако, для удобства жителей, а также в соответствии с русскими традициями со стороны жилых домов в заборе была проделана дырка, которою пользовались не только пацаны, но и офицеры, опаздывающие на работу. К приезду различных комиссий эту дыру заделывали, но вскоре она появлялась снова, так как удобства пользования ею были очевидны для всех. По другую сторону от домов, сразу за улицей возвышались земляные валы, которые окружали с трех сторон стрельбище. От окна нашего дома до открытого конца стрельбища было не более ста метров, поэтому мы всегда были в курсе происходящих там событий.

Посередине стрельбища был насыпан ещё один вал, который разделял его на две равных площадки: одна для стрельб из обычного стрелкового оружия, а другая – для обучения наводчиков-танкистов. Вторая половина интересовала нас меньше. Там стоял танк с нерабо-

тающим двигателем. Зато башня вращалась, пушка и оба пулемента были исправны. Рядом с этим неподвижным танком была проложена узкоколейка длиной около ста метров. По ней бегала тележка с облегченной танковой башней наверху. Тележка приводилась в действие электрической лебёдкой, установленной в конце рельсов и соединенной с тележкой стальным тросом. На эту часть полигона нас не пускали, считалось опасным. Да и во время стрельб здесь было не более двух десятков человек.

Гильзы от снарядов после стрельб увозили на склад. Так что разжиться чем-либо интересным здесь, казалось, не удастся. Для охраны этой техники на стрельбище дежурили поочередно по два солдата, которые чаще всего просто дрыхли в отрытой внутри земляного вала землянке. В холодное время там у них дымилась буржуйка, растапливаемая соляркой. Вскоре мы подружались с этими солдатиками, таскали из дома им чего-нибудь съестного или ворованные у родителей папиросы. Они нам дарили холостые и боевые патроны, разрешали лазить по технике, смотреть в перископы, крутить ручки.

Через пару месяцев мы были уже почти экспертами по вооружению Советской Армии. Вот патрон побольше. Он подходит к винтовке и СКС – самозарядному карабину Симонова. Патрон поменьше калибром 5,45 – это от автомата Калашникова АКМ. Совсем короткий, как бы обрезанный – от пистолета Макарова, а тонкий и удлиненный – от пистолета Стечкина, который, как и знаменитый Маузер, имеет деревянную кобуру-приклад и значительную прицельную дальность. Если конец гильзы обжат в гармошку – это холостой патрон, он только шум производит при стрельбе. Опять же пули. Они разные. Пистолетные пули с закругленным концом. Остальные – с заостренным. Простая пуля имеет медную оболочку и свинцовое заполнение. Бронебойно-зажигательная пуля со стальным сердечником, медный её кончик маркирован чёрно-красным цветом, зажигательная – красным, с тяжёлой пулей – жёлтым, повышенной мощности – чёрным. Есть ещё трассирующие пули, используемые для пристрелки в ночное время. Эти самые интересные, их кончик маркирован зелёным цветом. По сути – это маленькие ракеты. Такую пулю можно отделить от гильзы, просто расшатать её достаточно энергично пальцами. Потом осторожно забить её молотком в какой-нибудь чурбан, совсем неглубоко, чтобы только держалась. Затем зажигаешь спичку и держишь её у хвостовой части пули. Секунд через пять-десять ракета начинает действовать, выбрасывая факел искр.

На другой части полигона, где стреляют из обычного оружия, намного интереснее. Здесь не следует спешить. Нужно подождать, когда солдаты отстреляются, и смело подходи:

– Дядь, хочешь я почищу твой автомат?

Офицеры в это время где-то в сторонке обсуждают результаты стрельб, заполняют какие-то карточки. Солдатам не жалко. Кругом расстелены фланелевые тряпочки, на которые выкладываешь жестяные баночки с двумя горлышками. В одной половине баночки щёлочь для снятия порохового нагара, в другой – оружейное масло. Мы нормативы по разборке оружия знаем, поэтому разбираем за считанные секунды, соревнуясь между собой. Солдаты покуряют рядом, присматривая, чтобы мы не спёрли чего. Здесь-то мы и начинали закладывать основы своих коллекций военных трофеев. После стрельб мы тщательно осматривали огневые рубежи. В грязи и под листьями нередко можно было найти боевые и холостые патроны. Сначала-то мы даже пули и отстрелянные гильзы собирали, но когда счет нашим трофеям пошел на килограммы, мы прониклись, что эти несерьезные забавы только для малолеток. Я в то время ходил во второй класс, а братья – в третий и четвертый.

Нашему военному образованию способствовало следующее событие. Вскоре после нашего приезда в штабе пехотного полка случился пожар, а было это в декабре. Деревянное здание штаба сгорело быстро и без хлопот. Понятное дело, спасали в первую очередь знамя части, металлические сундуки с казной, секретными документами, карты – да мало ли чего полезного может храниться в штабе. А уж такая мелочь, как уставы строевой, гарнизонной и караульной службы и наставления по стрелковому делу – просто выбрасывались через окна

в снег. Ясно, что кого-то наказали, но для нас этот пожар был просто праздником, ибо из снега мы натаскали домой кучу ценной литературы. Брели по десятку экземпляров, потом обменивались между собой недостающими книжками. Книги эти, кстати, практически не пострадали, поскольку стоял небольшой морозец, и снег был сухой. Уставы мы капитально проработали, не наизусть, конечно, но знания отложились попрочнее, чем по арифметике – потому что интересно. Главное же ценностью были наставления по стрелковому делу. Эти знания были наиболее прочными: тактико-технические данные оружия, его устройство, приёмы сборки-разборки, частичной и полной, смазка и многие другие чрезвычайно полезные вещи. Язык простой и понятный и, главное, всё с подробнейшими картинками. Вы возьмите пацана, который не жил в военном посёлке, – сможет он нарисовать, скажем, РПД – ручной пулемет Дегтярёва – так, чтобы марка узнавалась явно? Вот, и я говорю: не сможет. А у нас любой пацан мог нарисовать. Да и чего там рисовать, бери соответствующее «наставление» и обводи картинку, наложив лист бумаги сверху.

Гораздо выше этих книжек у нас ценились комплекты цветных плакатов с изображениями формы одежды военнослужащих различных родов войск Советской Армии, стран Варшавского договора и войск потенциального противника. Тут были всё – рядовые (краснофлотцы), сержанты (старшины), младший и старший офицерский состав, а также генералы и адмиралы. Опять же формы одежды бывают: №3 – повседневная для работ и учений. №2 – для несения караульной службы и увольнений и №1 – парадная. С другой стороны, бывает летняя и зимняя, а также полевая и для специальных условий, скажем, в пустынях, где страшная жара. На отдельных плакатах изображались нашивки, шевроны, петлицы, эмблемы родов войск. Сами понимаете, что имея такие сокровища, мы покрывали страницы своих школьных тетрадок вполне профессиональными изображениями батальных сцен. Если уж я изобразил, скажем, танк «Тигр», то даже последний двоешник не спутает его с «Пантерой» или «Фердинадом». Но самыми ценными у нас считались справочники по вооружению стран потенциального противника. У нас с братьями таких было три – по танкам, стрелковому вооружению и артиллерии. Вообще-то их было гораздо больше, но полного комплекта не было ни у кого. Папаня Витьки Сквирского был зенитчиком, поэтому у Витьки был классный справочник по иностранным самолетам. Папаня Вадика Мурадяна был начальником снабжения и тылового обеспечения, значит, Вадик мог иметь любой справочник, но Вадик играл на скрипке и серьёзным пацаном не считался. Всё же у него был довольно редкий справочник по военным кораблям стран НАТО, поэтому Вадика терпели и почти никогда не били.

Потом этот справочник у него выменял мой хороший дружок Генка Переяславцев. Генка играл на аккордеоне, у него было что-то не совсем в порядке с сердцем, а пользовался у всех уважением среди нас потому, что имел очень ценный в наших глазах талант. Он умел мастерить. В принципе, мы тоже все чего-нибудь умели, но то, что выстругивал и выпиливал Генка просто потрясало всех своей точностью и аккуратностью. Вместе с ним мы делали модели военных кораблей, стараясь воспроизвести мельчайшие детали, отражённые на картинке в справочнике. У меня, правда, терпения было гораздо меньше генкиного, поэтому мои модели казались приличными только в сравнении с моделями других пацанов, но до его моделей не дотягивали весьма серьёзно.

Вершиной же нашего творчества были, конечно, пистолеты. Казалось бы, эка невидаль – сделать пистолет. Да любой пацан минут за двадцать выпилит ножовкой и выстругает пистолет. Это так. Но это будет просто пистолет, у которого есть ручка, ствол и спусковой крючок. Если пистолет хороший, у него будет еще предохранительная скоба (тонкая работа), затвор, мушка, в лучшем случае, предохранитель с рычажком перевода на автоматическую стрельбу. То, что мы делали – это уже настоящее искусство. Берётся хорошая сухая доска без сучков. Какое дерево? Чем тверже, тем лучше – точнее будет модель, не будет сколов. Твёрдость дерева для обработки не помеха, потому что кухонного ножика мы не используем, работаем лобзиком

и острыми стамесками. Но сначала на хорошо отструганную поверхность доски наносится точный чертёж изделия из справочника. Сделаешь небрежно, приблизительно – дерьмо в конце и получишь. Когда отточенным по-штурмански карандашом твердости 5Т нанесёшь все необходимые линии – это уже произведение искусства. Можно часами любоваться, ибо пистолет уже объёмно виден в доске, как прекрасная статуя в глыбе необработанного мрамора. Теперь, не спеша, пройдёшься лобзиком по контуру, отпилив всё лишнее, возьмешь результат в руки и ощутишь вес. Далее наша работа напоминает работу археологов, которые кисточками сметают пыль с окаменевших скелетов или разбитых чаш. Стамесочкой стёсываешь грани, выбираешь пазы, делаешь плавные закругления. Одно неверное движение, и мушку срежешь. Наконец, всё выточено, теперь самая утомительная часть – полировка, сначала грубыми шкурками, потом все тоньше. Самое приятное – следующий этап – покрытие чёрным лаком, тут главное, чтобы не было подтёков. После того, как лак высохнет, деревянную поверхность от металла с трёх шагов не отличишь. Щёчки должны быть обязательно накладными, поскольку у настоящего пистолета они делаются из дерева и по цвету отличаются от металла. Наносишь диагональную штриховку, покрываешь тёмно-жёлтым лаком и приклеиваешь. Теперь всё. Генка себе первый пистолет сделал марки ТТ, а мне больше понравился из справочника американский пистолет «Шток» с удлинённым стволом – настоящий шпионский.

Чтобы лучше было понятно, какого качества были наши изделия, приведу случай, который произошел со мной. Спустя два дня, как я сделал свой пистолет, да ещё сутки сушил его, вытащил его на божий свет и играюсь себе во дворе, страшно гордый. То прицелюсь в брата, то в собаку: «Пуф-ф!». А напротив нас жил милиционер-осетин, круглый, как колобок. Он в это время брился во дворе, приставив зеркало к рукомоюнику. В это зеркало он и увидел меня с пистолетом. Я не успел ничего понять, как он со страшным криком: «Стоять! Ни с места!», с выпученными глазами и одной выбритой щекой оказался рядом со мной и вырвал у меня из рук моё оружие. Тут только он сообразил, что это деревяшка, сунул пистолет мне в руки и пробормотал: «Нэлзя так шютить, сынок».

Чего-чего, а оружия на Сахалине хватало. Уже в самом конце войны отсюда выбили японцев. По-моему, особо ожесточённых сражений тут не было, но следов войны было предостаточно. Соседние поселки, например, назывались Гастелло, Боюклы и Смирных, в честь героев, да и наш поселок Леонидово был назван в честь Леонида Смирных, а до этого он назывался Олень. Название это осталось за железнодорожной станцией. Оставшееся со времен войны оружие свозили на оружейные свалки прямо в тайге. Свалки эти, опутанные колючей проволокой, никем не охранялись, и оружие там потихоньку ржавело. Тем не менее, там можно было найти немало интересного. Поскольку у всякого оружия прежде всего смазывается ствол изнутри и казённая часть, где ходит затвор, ржавеет оружие неравномерно. У нас, например, с братьями был авиационный пулемет с ребристым стволом и японская винтовка «Арисаки» с плоским штыком. Слава богу, что к ним не было патронов, а то мы бы точно попробовали пострелять. Снаружи наше оружие было в меру заржавевшим, но внутренние поверхности стволов и все движущиеся части были в идеальном состоянии. Мы их регулярно смазывали, и они приятно клацали при передергивании затвора. Реально на оружейные свалки ходили ребята постарше, поскольку они располагались далеко в тайге, а у нас там и медведи водились. Места свалок держались втайне от конкурентов и сообщались только закадычным друзьям. Конечно, те, кто их посещал, врал напропалую, что видели, мол, в тайге линию японской обороны, землянки и дзоты, а в тех дзотах скелеты смертников, прикованных к пулеметам. Наверное, были в этих рассказах и частицы правды.

Откуда же это оружие попало к нам? Выменивали у счастливых на свои нехитрые мальчишеские сокровища, патроны, добавляя серебряные монеты, которые родители давали нам на школьные завтраки. Так потихоньку у нас скопилось целых два цинковых ящика различных патронов, сигнальные ракеты, дымовые шашки, взрывпакеты и много другого ценного имуще-

ства. Противогазы были у всех пацанов, и не по одному. Иногда я видел у ребят постарше и настоящее оружие. Так Валерка Дегтярев притащил однажды совершенно новый пистолет какой-то иностранной марки с полным магазином патронов. Необычен этот пистолет был тем, что он был не вороненой стали, а с белым хромированным покрытием. Потом, правда, выяснилось, что пистолет не валеркин, а его старшего семнадцатилетнего брата. У Генки Красникова в стеклянной двухлитровой банке хранились бруски тротила. Наощупь тротил – как темная мутная свечка, горел тусклым пламенем от зажжённой спички, но при детонации мог разнести всё к чертям.

Понятно, что при таких игрушках недалеко до беды. Обычно на первое мая во дворе школы разводили пионерский костер. Делали это ближе к вечеру, так красивее. Пели пионерские песни и горланили речёвки с лозунгами. А, время от времени, с той стороны, что подальше от дирекции и учителей, подкрадывался очередной хулиган и бросал в костёр горстку патронов. Хорошо, если холостые, но иногда мимо уха явственно жужжали пули. В таких случаях директор всех разгонял и обещал разобраться с негодями. Но, в целом, никто не пострадал, кажется. Зато у нас была такая забава. Берёшь боевой патрон, запиливаешь напильником поперечную борозду, пока не образуется отверстие в несколько миллиметров. Потом нитками привязываешь к гильзе две-три спички так, чтобы их головки находились строго у отверстия, закрывая его. С такими игрушками в кармане выходишь на улицу, вынимаешь по одной, чиркаешь привязанными спичками по коробку и бросаешь в воздух. Там оно и бабахает. Но здесь нужна точность: бросишь быстро, а спички, может быть, не успели зажечься или пшикнули и погасли. Но если чуть промедлишь, патрон взорвется у тебя в руке, и пары пальцев как не бывало.

Такие случаи бывали и не раз. Нас бог миловал. Зато в нашем классе учился Колька Ким – классный парень. Один глаз у него был выжжен – разбирал взрыватель от мины. Этот Колька умел совершенно потрясающе рисовать. Что рисуют пацаны в таком возрасте? Конечно, войну. Самолеты, танки, корабли, пушки, солдатиков, разрывы снарядов, клочья, разлетающиеся от врагов. Я рисую сражение так: сначала танк, потом солдатика, другого солдатика, самолёт, окоп и так далее, переходя от одного законченного фрагмента к другому.

Он тоже рисовал всё это, но как? Карандашом наносится штрих в одном месте картинке, затем в другом, третьем. На листе бумаги уже полтора десятков штрихов, а что желает изобразить художник, наблюдателю совершенно непонятно. Потом отдельные штрихи начинают соединяться в плавные и ломаные линии, и только через пять минут проступают контуры, в которых угадывается: это солдат, а там – пушка. Не сразу начинаешь понимать, что только таким образом не нарушаются пропорции отдельных фрагментов и персонажей, поскольку художник всё это представляет в памяти сразу, а наносит на бумагу постепенно, держа контроль за бумажным пространством в целом. Я мог часами наблюдать у него из-за плеча, как ловко выскакивают и оживают эти фигурки из-под кончика его карандаша. Это было настоящее волшебство. Я понимал, что у меня так не получится никогда.

Первая наша серьезная операция с оружием закончилась сравнительно благополучно. Всё началось с того, что Генка Красников по кличке Хун Бай (кличка пришла из популярного в те годы фильма о пограничниках и хунхузах) притащил откуда-то противотанковую гранату. Это было действительно опасно, и мы это хорошо понимали. Предварительно отвинтив ручку с взрывателем, мы брали её в руки, оценивая тяжесть. Такую кинь – она тебя же и взорвет. Спросили:

– Чё делать-то с ней будешь?

– Рыбу глушить пойдём, – беспечно откликнулся Генка. Пацан он был, конечно, отчаянный. Речка Леонидовка весело журчала совсем рядом. Левый, пологий берег её занимали корейские огороды, где мы частенько тырили огурцы, переплыв предварительно речку. Наш же, правый берег имел достаточно высокий обрыв. Мы отошли подальше от посёлка,

чтобы взрыв был не очень слышен. В этом месте река делала поворот, а ниже поворота обрыв переходил в плоскую площадку, густо поросшую кустарником. Именно здесь чаще всего танкисты после учений мыли свои танки. Загонят весь залепленный глиной танк в речку по самую башню, а сами загорают где-нибудь рядышком. Тем временем, горная наша речушка смывает быстрым своим течением всю грязь, и танкисты вылезают из кустов, быстренько завершают мойку, чтобы успеть к ужину в часть. Мы им частенько помогали эти танки мыть. За это получали право доехать в танке до самого парка. Так что в танковой технике мы тоже разбирались неплохо.

Итак, мы подошли к повороту. Вырезали длинное удилице, привязали гранату на крепкой бечёвке, а за кольцо прикрепили бечёвку потоньше. Затем закрепили удилице, воткнув его в берег обрыва, спустили гранату к поверхности воды, залегли, и Генка дёрнул за тонкую бечёвку. Успех рыбалки превзошёл все наши ожидания. Дело в том, что мы не заметили, сразу за поворотом танкисты загнали в воду пару танков для мойки. Когда граната рванула, в воду ушла и часть обрыва, завалив землёй эти танки. Ошалевшие танкисты выпрыгивали в трусах из зарослей кустарника, не видя под завалом своих машин. Ясное дело, что мы в это время были уже вне пределов видимости. Речка наша быстрая, она тут же смыла рыхлую землю и унесла её по течению, так что всё обошлось вполне благополучно. Правда, особисты дивизии долго ещё копали это дело на предмет возможной диверсии японских шпионов.

Однажды, явившись на стрельбище после окончания стрельб для пополнения своих боезапасов, мы обнаружили странные штуковины в районе линии мишеней. Они походили на малогабаритные бомбы, имели утолщенную головную часть цилиндрической формы, переходящую в головной конус. К головной части была прикреплена трубка толщиной с ручку лопаты, и заканчивалось всё хвостовым оперением. Вся эта хреновина была зловеще-чёрного цвета. Еще с полтора десятка таких же бомб валялось вокруг, причем на них не было следов поломок, разрывов или деформаций. Они были, как новенькие. По ценности это превосходило всё, что мы имели раньше. Взрываться в руках это, вроде бы, не должно, иначе их не оставили бы так просто после стрельб. Мы осторожненько отвинтили головную часть. Из хвостового цилиндра на ладонь выскользнула небольшая зеленая штучка – явно взрыватель, а в самом цилиндре оказался сквозной канал, переходящий в сопло на самом доньшке. Из канала тянуло характерным запахом пороховой гари. Какие-то новые ракеты или реактивные мины, – решили мы. Счастливые и тяжело нагруженные мы возвратились по своим домам. Нашу долю мы с братом Женькой спрятали в сарае за поленицей дров. Уже через неделю там скопилось около сорока таких бомб. Ребята, у которых отцы артиллерийские и пехотные офицеры рассказали, тем временем, что никакие это не бомбы, а гранаты от РПГ – ручного противотанкового гранатомёта, только что принятого на вооружение. Головная их часть не боевая, а просто болванка, начинённая склеенной пескообразной массой. Так вот, изучение новейшей военной техники проходило в нашем поселке весьма оперативно. Только через пару недель, когда поленица дров уменьшилась в размерах, мать, набирая охапку дров, увидела наши запасы, бросила поленья и с испугом вбежала в комнату:

– Это ваши бомбы?!..

Никакие наши оправдания, что это вовсе не бомбы, а гранаты, и не боевые, а учебные, и что они не взрываются – ничего не принималось во внимание.

– Чтобы ваших бомб сегодня же не было в сарае! Отец придет с работы, он вам еще подаст.

Пришлось унести наши сокровища к надёжным товарищам, у которых родители не столь бдительны, а тайники скрыты лучше.

Не прошло и трёх месяцев, как мы влипли в другую историю. После школы мы, обычно, не спешили домой, а смывались в спортивный городок танкового полка. Там были полосы препятствий, турники, канаты и много других интересных штуковин. Дорога наша проходила

мимо солдатских казарм, но не с фасада, а с обратной стороны. Там, когда-то большая, площадка была засыпана опилками, но под солдатскими сапогами эти опилки утрамбовались в достаточно твёрдую массу. Мы же, по-привычке, не просто шли, а пинали ботинками какую-нибудь банку или другой подходящий предмет. И вот Валерка Дегтярёв, отпасовав мне банку, пнул ее столь сильно, что взрыхлил эти опилки, и из-под них показался заострённый кончик снаряда. Мы подошли поближе, и Валерка извлек снаряд целиком. Он был совсем небольшой, сантиметров двадцать пять длиной вместе с гильзой. Мы определили, что это от авиационной пушки. Поддели носком ботинка, из-под опилок показался второй снаряд. Тут всех охватил настоящий азарт. Мы подыскивали вокруг подходящие щепки, металлические полоски, обломки проволоки и бросились лихорадочно разрывать опилки. Уже через час хорошей работы в портфеле у каждого было не меньше пяти снарядов, а у самых удачливых – более десятка. Мы отнесли свои сокровища подальше от чужих глаз, на пустырь, и стали их рассматривать и пересчитывать. Гильзы у снарядов изрядно изъедены зелёной плесенью, у некоторых даже порох высыпается. Артиллерийский порох – это особь статья. Он должен гореть быстро и равномерно, поэтому каждая такая порошина представляет собой жёлтый прессованный цилиндр, вдоль оси которого проходит насквозь ряд цилиндрических каналов. Горит этот порох – просто загляденье, и никакого дыма.

Порох сожгли, что теперь делать с пулями? Даже на первый взгляд, было ясно, что это не простые болванки. В хвостовой части пули были какие-то пояски с насечками, а в донышко впрессовано круглое стеклышко. – «Ясное дело, разрывные» – сказал Колька. Колька был одним из двоих братьев Ивановых, моих однофамильцев, учившихся в нашем «третьем В». Это был пухлощёкий крепыш, твёрдый двоечник и организатор всяких шкод. Лидер, как принято сейчас говорить. Он предложил развести костёр и бросить в него все наши боезапасы, а самим отбежать подальше и посмотреть, как бабахнет. Так и сделали. Для верности, залегли в траве и стали наблюдать. Сначала костер горел весело, сухие ветки трещали, выбрасывая широкие языки пламени. Снаряды наши однако не взрывались.

– Еще не раскалились. Подождать нужно, – успокаивал Колька.

Мы боязливо приподнимали головы над травой, вглядываясь в костер, подниматься было опасно. Потом костёр, кажется, прогорел. Наши спины затекли, хотелось домой, в желудках начинало бурчать, однако вставать никто не решался, ибо бабахнуть могло в любой момент.

Колька понял, что авторитет атамана нужно поддерживать, иначе народ не поймет, скажет: «Сдрейфил, пацан». Он поднялся на корточки, оглянулся. Всё было тихо. Встал и пошел осторожно к костру, прикрывая лицо портфелем. Костёр почти прогорел, головёшки едва тлели. Тогда он отбросил портфель в сторону и наклонился над костром, чтобы разгрести угли какой-то подобранной палкой.

– Айда сюда! – радостно закричал он.

И в этот момент рванул первый снаряд. За ним сдетонировал следующий, и в течение пяти минут поднялась такая пальба, что мы все вжались в землю, стараясь слиться, раствориться и спрятаться в ней. Потом наступила абсолютная тишина. Это наши барабанные перепонки оглохли на какое-то время от взрывов. Затем мы судорожно поползли по траве в разные стороны, боясь, что в любую секунду может снова рвануть. Уже метрах в ста от костра мы встали и побежали от ужаса куда глаза глядят, а навстречу нам из воинской части бежали солдаты и офицеры, чихали выхлопными газами бронетранспортёры. Вот мимо пронеслась с воем машина скорой помощи.

Я словно очнулся, остановился, и поток людей увлёк меня к тому месту, откуда мы бежали. Любопытство моё преодолело страх. Я протиснулся в передние ряды и успел увидеть только, как безжизненное тело Кольки на носилках грузили в машину. У них не нашлось даже простыни, чтобы накрыть его. В течение многих последующих ночей мне снилась та картина,

которая открылась тогда лишь на секунду. Колькино тело было буквально изрешечено осколками, один глаз вытек, живот располосован и обрывки кишок свисали наружу.

Когда я прибежал домой, братья стали тормошить меня с расспросами, видя мое невменяемое состояние и бессмысленно блуждающие глаза. Я не мог ничего говорить и молча забился в угол. Через полчаса уже весь посёлок знал, что Иванова убило. Когда на работе матери сказали об этом, она бежала домой, не чуя ног, и только лихорадочно думала: «Которого из них». Прибежав и увидев всех троих живыми, только испуганными, со стоном прислонилась к косяку:

– Только не врите, что вас там не было.

Нас всех для примера выпороли, а также для того, чтобы снять свой стресс. И мы все трое молчали, не отпирались, не хныкали: «За что?». Дело такое мужское.

На следующий день пацаны обменялись новостями: «Говорят, особисты с милицией и собаками будут ходить по дворам, изымать оружие». У каждого было, что прятать, и расставаться с этим за просто так не хотелось, даже после случившегося. Все понимали: «Просто не повезло пацану. Бывает». Особенно всех смущали эти собаки. Из шпионских фильмов мы знали, что спрятать что-нибудь от них, даже зарыть в лесу – дело безнадёжное, следы остаются, запахи и всё такое прочее. Их тех же фильмов мы знали, что собаки не могут искать в воде, поскольку вода смывает все запахи. Дождавшись вечера, мы с братьями сложили всё своё оружие и боеприпасы в мешки из под картошки, пыхтя и отдуваясь, потащили хозяйство к речке. Нашли подходящее место, утопили. На берегу, напротив сложили пирамидку камней и для верности сделали зарубку на дереве. Но всё обошлось без собак. Потом пришлось нырять в реку, вытаскивать свои ценности.

Дальнейшая траектория наших военных игр резко изменилась в связи с тем, что родителям нашим дали более просторную квартиру в центре поселка. Мы переехали, разорвались привычные связи, появились новые дружки. Арсенал наш поначалу хранить было негде, и мы оставили его в прежних тайниках, поручив приглядывать верному приятелю.

Тем временем в поселке происходили загадочные истории. Например, отпраздновав Новый Год и сняв похмельные явления рассолом, являются наши танкисты на плановые стрельбы. Танки на стрельбище, понятное дело, снежком замело. Откопали танки, смели снег. Глядь, а курсового пулемёта, как и не было. Тут надо сказать, что пулемет этот не просто установлен и даже не привинчен – он приклёпан к листу лобовой брони. Какие там заклепочки делают, чтобы они выдержали прямое попадание снаряда – сами можете представить. Так что отклепать такой пулемёт, даже имея соответствующие инструменты, очень не просто. Потом опять же, если умыкать его с целью продажи и последующего пропития, то кто ж его купит? Его на плечо не положишь, отправляясь на охоту на медведей. Остается одно – диверсия. А кто диверсанты? Тоже ясно – японцы. В крайнем случае, их американцы наняли, поскольку самим им сто верст киселя хлебать до Сахалина, а японцы – они тут, рядом. Конечно, «Чека» поработала. Но ничего определенного не нашла. Солдатиков тех, что на стрельбище дежурили, тоже не сильно наказали, поскольку неясно, в какой именно день умыкание пулемёта произошло. Хотя, вероятнее всего, именно в новогоднюю ночь, когда все в сиську пьяные, и дежурный офицер проверять посты не пойдет, потому как тоже человек, и выпить должен вовремя, не в подворотне, не с солдатами, а как положено – в семье. Но ведь ничего не докажешь, потому как пьяные были все.

А потом, год спустя и вовсе атак случился, когда вся дивизия полтора месяца находилась в состоянии готовности №1. Означает эта готовность то, что дивизия была поднята по тревоге, и полтора месяца офицеры ночевали в казармах. Никому не было позволено даже на минутку домой заскочить. Бабы в панике:

– С кем война? С Японией? С Америкой?

– А хрен его знает, соседка!

Так и жили в напряжении, тем более, что радио и газеты вообще ничего необычного не сообщали. Потом готовность отменили, офицеры разошлись по домам, рассказали, чем дивизия все это время занималась.

– А вот прочесывали всю окружающую местность, сопка за сопкой, распадок за распадком. Тут, блин, с военных складов украли больше полутора ста ракет, что подвешивают под самолеты для поражения наземных целей. Ракеты те были сверхсекретные, только что поступили на вооружение. Сама ракета небольшая, метра полтора длиной. Два человека запросто могут утащить её куда угодно.

– Ну и что, нашли?

– Да найти-то нашли. Не все, правда. Меньше ста штук. Они тут недалеко были спрятаны по распадкам, ветками закиданы. Устроили засады, никто не пришел. Шпионы тоже не дураки.

Остальные ракеты так и не нашли. Да и как найти, когда склады стоят всё время опечатанные. До обнаружения пропажи их открывали последний раз три месяца назад. Не то, что кто украд, даже когда украли – толком установить не смогли. Какие уж тут следы.

Шпионов и диверсантов нашли только к лету. Приходим мы в школу. Урок истории. Вызывают Витьку Сквирского к доске. Витька у нас отличник, председатель Совета отряда, и папаня у него замполит дивизии. Начинает он отвечать бойко, уверенно. А историк ехидненько так его прерывает:

– Урок ты, Витя, знаешь, я вижу. Ты лучше расскажи нам, голубь, сколько радиостанций вы в последний раз украли, сколько автоматов? Может, еще что-нибудь интересное.

Ну у всех хлеба так и отвисли. Витька стоит и мнётся, как двоечник какой, наверное, в первый раз в жизни. На переменке мы его в кольцо взяли:

– Давай, выкладывай, чего там было то? Все свои.

А он оттолкнул одного, другого и убежал. Даже портфель в классе оставил.

Через день мы уже всё знали. Оказывается, все шпионы и диверсанты были свои, местные. А главным шпионом был Хун Бай – Генка Красников. Кличку эту он получил после просмотра фильма про шпионов в солдатском клубе. Там показывали банду каких-то хунхузов, а главарь у них был Хун Бай. Кто они такие были, эти хунхузы, мы толком не знали, но фильм всем понравился. Генка же у нас был заводилой после смерти Кольки Иванова. Потому и прилипла к нему эта кличка. Пулемет тот со стрельбища Генка с парой верных дружков взял. Ракеты, правда, таскали уже полтора десятка ребят, целый месяц, чтобы сильно не надрываться. Потом воровали много и разное. На том и попухли, что бдительность притупилась. А случилось это так.

Летом небольшое стадо коровок пасётся сразу же за поселком, и бабы доят их два раза в сутки: один раз на выгуле, а второй – уже в хлеву. Вот подоила какая-то баба свою бурёнку на пастбище, идет с бидонами домой. Подходит к поселку и слышит выстрел из крайнего дома. Сначала испугалась, огляделась – всё тихо. Тут любопытство взяло верх, подошла она осторожно к избе, заглянула в окошко: изба нежилая, в пустой комнате стоит стул. К стулу телефонным кабелем примотана кошка. Мёртвая. В кошку и произвели тот выстрел, что баба услышала. После всех этих ЧП, в поселке жители были предупреждены, чтобы в случае чего подозрительного сразу доложить об этом в комендатуру. Спряталала баба свои бидоны в кустиках и – в комендатуру.

Минут через десять дом был оцеплен бравыми ребятами с автоматами Калашникова наперевес. Открывают пинком двери: «Руки вверх! Сдавайся!». А никого нет. Тишина. Всё обыскали – пусто. Тут услышали какую-то возню на чердаке. Поднимаются по шаткой лестничке. Первый-то сунул голову в чердачный люк, а ему прямо в лоб смотрит раструб станкового пулемета. Тут и в штаны наложить можно. Однако, всё обошлось. На чердаке возились самые малявки. Взрослые ребята давно уже смылись. Стали смотреть, что тут есть – глаза на лоб полезли – форменный арсенал. Пара пулеметов Дегтярёва, автоматов Калашникова –

штук тридцать, гранат наступательных Ф-1 (в народе – «лимонка») – три ящика, патронов в цинке – немеряно, а также портативные радиостанции, сигнальные ракетницы, противогазы, комплекты противохимической защиты... Да разве всего перечислишь!.. Пару лет ребята трудились. Собственно, повязаны были все. Что с того, что у тебя папа замполит? Он же не даст тебе даже свой пистолет пострелять. А тут сходил разок-другой на дело – получай собственное оружие в полное тебе владение, стреляй, сколько хочешь. По колониям пошли наши дружки. Не все, конечно. Если папа замполит, какие-то проблемы решаются. Тем более, что папу тут же переводят в другой округ, и все тихо, как в танке.

Ну, а мне с братьями просто повезло. Переехав в центр поселка, мы уже не относились к банде Хун Бая. Я закончил школу, поступил в мореходку, маманя рассказывала, что Хун Бай уже потом так и не вылезил из тюрем. Но мне кажется, что он не особенно жалеет о том, как все это было и чем кончилось. Военные игрушки воспитывают мужество и стойкость.

КЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ СТАТЬ? (Школьное сочинение)

Читатель знает хорошо, что избежать написания сочинения на данную тему в нашем детстве не дано было никому, так же как и сочинения на тему «Как я провел лето». Более того, второе сочинение предстояло писать в начале учебного года в течение нескольких лет подряд, и поэтому с каждым годом слегка варьируемый текст становится все глаже, число ошибок в нем постепенно уменьшается, а получаемая за сочинение оценка медленно возрастает, хотя далеко не всегда. Вот и я в третьем классе, получил такое задание, а дома положил перед собой чистую тетрадку в линейку и стал думать. А думы эти были примерно такими.

Конечно, больше всего я хотел бы быть маленькой обезьянкой, которая часами сидит на жердочке в зоопарке или висит, зацепившись за эту жердочку хвостом и лопает бананы. Бананов я в детстве, разумеется, даже не нюхал. Да и откуда им быть на Сахалине. Но в зоопарке Южно-Сахалинска я видел и ту обезьянку, и бананы. Всё это было привозное. На Сахалине даже волки не водились. Чучело единственного волка, который перебежал пролив Лаперуза по льдинам, хранилось в областном краеведческом музее. Зато много было рыбы и лесных ягод. Запаха бананов мне тогда ощутить не удалось из-за расстояния, разделявшего меня и обезьянку, но по её блаженному выражению на мордочке понятно было, что бананы – это страшно вкусно. В самом положении обезьянки была масса преимуществ, даже помимо аппетитных бананов. Во-первых, не нужно годами учиться в школе, ибо корчить рожи и почесывать себя в разных местах мы и без всякого обучения могли, а прыгать по веткам без боязни сорваться при наличии хвоста можно было за пару часов научиться. При этом, конечно, не было и проблем объяснения с родителями по поводу проказ в школе и двоек в дневнике, поскольку у обезьян нет ни школы, ни дневника, ни двоек. Проказы есть, но никто за них не собирается обезьян наказывать, потому что проказы эти – неотъемлемая, естественная часть их жизни. Во-вторых, обезьянам не нужно было каждое утро вставать по будильнику и идти на работу или давиться в автобусах. Бананы им давали задаром, просто потому что они обезьяны. Это было клёво.

Моим же любимым блюдом была гречневая каша с молоком. На втором месте стояла жареная на подсолнечном масле картошка, причём именно за поджаристые хрустящие корочки и была у нас с братом постоянная борьба. Кроме того, маманя варила очень вкусный суп с картошкой, гречкой и крупными бобами белой фасоли. Только суп этот варился весьма редко. Возможно, потому что фасоль была в дефиците. Всё это, конечно, было тоже вкусно, но однажды увиденные бананы оставались недоступной мечтой, и даже иногда виделись в снах. Мороженое в хрустящих вафельных стаканчиках за все мои школьные годы к нам завозили два раза. Впрочем, это не беда, поскольку мороженое мы делали сами. Наливали в миску молока и выставили зимой в сени. Через час заносили домой и грызли с наслаждением то, что получилось.

Еще неплохо было бы быть тигром. Во-первых, у него шкура красивая, как тельняшки у моряков, только полоски другого цвета, но так даже интереснее. Главное же в том, что тигр – хозяин дальневосточной тайги. Значит, жить ему сравнительно безопасно, если только он сдуру не пойдет на охотника с карабином. А жить в зоопарке и вообще лафа. Даже бегать за дичью не надо. Цельный день лежи себе, подрёмывай, как кот на завалинке. Есть захочется, только рыкни грозно спросонку, тебе уже и мяса на косточке несут.

Быть человеком гораздо хлопотнее. Все тебя учат и учат. Учат и учат. И снова учат, как завещал великий Ленин. Даже выспаться можно только в воскресенье. Но уже с утра, после стакана чая и краюхи хлеба с маслом тебя куда-то посылают: то в магазин, то дров напилить, то воды нанести, то картошку в огороде прополоть, то курей загнать в курятник или наоборот выпустить на двор. Так вот день и проходит. И это ещё лучший день, поскольку в школьные дни поспать в охотку не дадут, а если попытаешься проигнорировать побудку, то ласковым подза-

тыльником быстро приведут в активное состояние. Наспех давишься бутербродом, напяливаешь, как попало, школьную форму, съёшь выглаженный мамой пионерский галстук в карман, кидаешь случайные книжки и тетрадки в портфель и мелкой рысью несёшься в школу, потому что опоздание влечет за собой всё новые и новые хлопоты и неприятности. Нет, обезьянкой – куда лучше. Не говоря уже про тигра.

Вот так примерно я и рассуждал над чистой тетрадкой для сочинения. Но ведь всё это не напишешь. А если напишешь, то последствия будут такими, что все обезьянки будут над тобой хохотать, а тигры ухмыляться в роскошные усы. Поэтому я написал коротко, но зато правильно, что хочу, мол, стать токарем, ударником коммунистического труда и победителем социалистического соревнования. И, после исправления учителем погрешностей в орфографии и пунктуации, получил законный трояк с припиской «недостаточно глубоко раскрыта тема созидательного труда». Девочки попроще писали про доярок, те, что гордые – о профессии врачей. Конечно, теоретически можно было написать и о космонавтах. Но только сдуру. Потому что об их жизни мы знали так мало, что и на трояк не натянешь. А потом, тебя еще и товарищи по школе не поймут. Могут и наказать «за гордость». Нет, токарь – это в самый раз. Пожарник – это для малявок. Мент... тут просто слов нет. Писать про это – еще страннее, чем про обезьянку или тигра. Многие из окружавших меня взрослых либо сами отсидели, либо их родственники. На крайний случай – побывали в КПЗ или в медвытрезвителях. Нет, ментов в народе не любили на уровне подсознания. Только всё это вместе взятое оказалось пустыми и вздорными идеями. По окончании восьмого класса я поступил в мореходку и стал моряком. Мой школьный друг Серега Белик (тот, что рядом со мной на снимке), которого в школе мы звали «Философ» за его вечно задумчивый вид, стал летчиком. Вот уж чего никто не ожидал.

Из-за перенесенной болезни лёгких и длительного лечения, после которого в левом лёгком осталась каверна между пятым и седьмым ребром, я в физическом отношении сильно отставал от своих сверстников. Когда они играли в футбол, баскетбол или волейбол, я лежал где-нибудь на травке и читал книжки. Начитавшись Жюль Верна, Станюковича, а также о путешествиях Крузенштерна, Беринга и капитана Головнина, я твердо решил стать моряком, но после четвёртого класса меня ожидало еще одно приключение, которое не изменило мои главные жизненные планы, а лишь добавило жизненного опыта.

Отец наш попивал всё активнее, и матери, безусловно, было трудно растить нас троих. К этому времени она, перебрав массу профессий – от билетёра в клубе до технички в школе – устроилась на «приличную работу» делопроизводителем в штабе артиллерийского полка. Она вела учёт военного имущества, вооружения и снаряжения, а заодно владела информацией и слухами, циркулирующими в среде военных. Полезная часть этой информации состояла, например, в том, что Уссурийское суворовское училище производит набор курсантов. После этого состоялся разговор со мной. Это сулило приключения: вместо забытого богом маленького таёжного посёлка увидеть большой мир города. Конечно, я бы предпочёл нахимовское училище, но, на крайний случай, можно согласиться и на суворовское – у них такая красивая форма с красными погонами, да и пострелять дадут не тайком, как у нас на стрельбище, а по Уставу, как положено.

Мать собрала какие-то небольшие денежки и договорилась с солдатом, который после демобилизации возвращался в Приморский край и должен был ехать поездом до Уссурийска. Деньги были вручены солдату, поскольку мне их давать в руки было неразумно, я мог их за неделю истратить на мороженое и конфеты. Раз в сутки солдатик покупал мне мороженое, и путь пароходом и поездом до Уссурийска прошел без особых происшествий. В конечном пункте солдат сдал меня дежурному по училищу под роспись, отправил телеграмму матери и отдал мне оставшиеся деньги.

Абитуриентов числом около двухсот пятидесяти пацанов разместили в спортзале, который почти целиком был заставлен скрипучими койками, застеленными солдатскими одея-

лами. На приём пищи и на экзамены нас водили строем старшины, а в остальное время следили, чтобы мы не разбегались по территории училища и не вносили беспорядок в его жизнь. А жизнь эта мне нравилась, тем более, что после военного городка я был вполне готов к организованной жизни, регулируемой Уставом. В школе я учился неплохо, экзамены сдал хоть и не блестяще, но вполне прилично. Тем не менее, в училище я не был зачислен по результатам медкомиссии. Трудно сказать определённо, что именно здесь повлияло – мой общий худосочный вид в сравнении с другими крепышами или запись в медицинской справке о наличии каверны в левом лёгком – но на общем построении, где выкликали фамилии поступивших счастливицев, я своей фамилии не услышал, и мне хотелось плакать. Только плакать в строю не положено, поэтому я проглотил свою обиду молча.

Это было первое и потому хорошо запомнившееся поражение в моей жизни. Незачисленным выдали из батальёнки их чемоданчики и рюкзаки, а затем строем препроводили на вокзал, где распределили по группам, возвращающимся в разные направления. Нашу группу из двенадцати человек должен был довести до Владивостока капитан Сеницын, отправлявшийся туда заодно в очередной отпуск. Он разместил нас кучно в общем вагоне и тут же исчез, поскольку сам имел место в купейном вагоне. Пока мы ехали до Владивостока, капитан появлялся и приносил два больших кулёка – один с горячей картошкой, другой с малосольными огурцами и пучками лука – купленные на перроне вокзала у бабушек.

Во Владивостоке мы нашего капитана уже не увидели, поняли, что предоставлены сами себе и разбрелись в разные стороны. Мои малые денежки к тому моменту давно закончились, и я напрямик направился в порт, разузнать о пароходе, отправляющемся на Сахалин. Пароход, в самом деле, стоял у причала, готовый к отходу часов через пять, но у трапа стоял пограничник с винтовкой с примкнутым штыком. Он проверял наличие штампа в паспортах пассажиров, дающего право въезда в пограничную зону. Будь я постарше возрастом, я бы сообразил пойти в милицию, обсказать свою ситуацию, мне купили бы билет до дома и посадили на этот пароход. Но я ничего об этом не знал, поэтому, понаблюдав с полчаса за редкой цепочкой пассажиров, входящих на трап, я выработал несколько авантюрный план. Я встал в очередь за толстым дядькой, который в правой руке держал паспорт и билеты для себя, жены и двоих детей, а в левой пытался удержать чемодан и авоську. Когда дядька подошёл к трапу и протянул пограничнику документы и билеты, он почти целиком загородил вход на трап. В этот момент я поднырнул под его левую руку, заорав что есть мочи: «Папа, я здесь!». При этом я замахал рукой некоему мифическому «папе», якобы достигшему уже палубы, и рванул вверх по трапу. Пограничник скользнул взглядом по моей щуплой фигурке и вернулся к просмотру документов, решив, что это пробежал отставший от родителей ребенок.

Так я оказался на судне. Теперь нужно было решить проблемы питания и ночлега на последующие трое суток. С питанием оказалось совсем не сложно. От скуки и малодвижности пассажиры много пили: газировки, пива, вина и водки. Мне оставалось лишь собирать пустые бутылки и сдавать их в судовой буфет. С ночлегом чуть посложнее. Я сразу приметил в общем холле широкие кожаные диваны. Однако, место на них нужно было занимать заранее, поскольку было немало пассажиров с палубными билетами, которые также предпочитали переночевать на диване, а не под солёным ветром на палубе. Извертевшись за вечер на таком диване, предупреждая других жаждущих, что место занято, я понял, что это место для меня не самое подходящее. Выспавшись, утром я обошел палубу и нашёл другие укромные места для ночлега. Например, прекрасные места я обнаружил в спасательных шлюпках, когда незаметно отдраил угол брезента одной из них. Следующим вечером, дождавшись темноты, я проскользнул к шлюпке, влез под брезент и уютно устроился внутри на другом куске брезента, покрывавшим мягкую связку канатов.

В положенное время, я тем же самым маневром скользнул с борта причалившего судна мимо сахалинского пограничника в Корсакове, и уже через час ехал зайцем домой. Когда подо-

шёл к дому, увидел мать, копающуюся в огороде, окликнул её. Мать обомлела и долго потом расспрашивала, каким образом я в одиннадцать лет смог сам преодолеть такое расстояние, минуя все пограничные препоны.

Теперь уже после восьмого класса я совершенно самостоятельно узнал, что на Сахалине есть две мореходки: Холмская готовит специалистов для торгового флота, а Невельская для рыболовецкого. Понятно, что торговый флот сулил заграничье, а в перспективе и кругосветки, поэтому я отправил свои документы в Холмск. Через две недели они пришли письмом обратно с уведомлением, что мне еще рано поступать, поскольку не исполнилось шестнадцати лет. Недолго думая, я тут же вложил те же документы в другой конверт, адресованный в Невельск. Видимо, к тому времени в невельской мореходке уже была предэкзаменационная суматоха, и недостаток моего возраста просмотрели. Я получил вызов и сразу же рванул к заветной цели.

Абитуриентов, как и в Уссурийске, разместили в огромном спортзале, только койки здесь по морскому образцу были двухъярусные. Сунув свою балетку под койку, я отправился осматривать местность. Город мне понравился. Здесь был порт и много моряков. От моря пахло водорослями и настоящей романтикой. Кроме того, на улицах стояли автоматы с вкусной газировкой за три копейки, а на каждом углу продавали мороженое в хрустящих вафельных стаканчиках. Это вам не таёжный посёлок с пыльными дорожками. Асфальт, чистота и цивилизация. Здесь стоило закрепиться надолго.

МОРЕХОДКА

Поступление

Здесь было столько новых лиц, шума и непривычной для всякого провинциала суеты. Большинство ребят были старше меня. Некоторые поступали после десятилетки, а другие даже успели отслужить в армии. На втором ярусе над моей койкой располагался Витёк. Он сразу же стал прощупывать меня на прогиб, угрожать набить морду, если я не стану ему подчиняться. Я решил не лезть пока на рожон, учитывая свои слабые физические ресурсы. В посёлке ребята уже знали, что в драке я слабак, но если меня довести до края, я свирепею и могу стукнуть чем под руку попадётся, не задумываясь о последствиях. По этой причине, меня старались не трогать.

Для начала нас построили, прочли краткую вводную о порядках в училище и предложили желающим сдать деньги на питание в курсантской столовой. Сдали не все, но я предпочел сдать, поскольку при таком количестве случайных людей деньги могли спокойно украсть или отнять. После обеда мы пошли на консультацию перед письменным экзаменом по математике, а потом я пошел осматривать город и искупался на пляже.

Вечером легли спать, свет в спортзале выключили, и чуть ли не сразу раздался дружный храп со всех сторон. Через час заснул и я. Проснулся от холодка. Ощупав себя в темноте, обнаружил, что выданное солдатское одеяло спёрли, и я лежу под одной простыней. Наутро сообщил об этом старшине, курировавшему абитуриентов, и мне выдали другое – совсем старое с двумя дырками.

Экзамены сдал уверенно. Видно было, что моя школьная подготовка будет посерьёзнее, чем у большинства поступавших. А вот медкомиссии боялся. Ребята рассказывали, что главное требование к штурманам – зрение должно быть не хуже девяноста процентов. Я раньше никогда не проверял зрение, и потому не знал, насколько оно у меня хорошее. Если в математике и физике результаты зависели от меня самого, то с медкомиссией всё обстояло иначе. Мне сказали, что для повышения остроты зрения нужно накануне вечером долго смотреть вдаль на море, так что весь вечер перед медкомиссией я просидел на пляже.

Сначала мы прошли общий осмотр, который никаких явных физических недостатков, кроме худобы, у меня не обнаружил, но я помнил о записи насчёт легких, которая подвела меня ранее при поступлении в суворовское училище. Сейчас мои справки уже не содержали компрометирующей информации на этот счёт. В кабинете окулиста мне дали в руки круглую дощечку с ручкой, чтобы поочередно закрывать один глаз и произносить буквы, на которые указывает врач. Предварительно я бросил взгляд на висевшую на стене таблицу и, закрывая по очереди левый и правый глаз, обнаружил, что правым глазом я могу прочесть все строчки до самого низа таблицы, а левый видит последние две строчки расплывшимися. Когда меня стали экзаменовывать и настала очередь закрыть правый глаз, я стал хитрить и подсматривать им, после чего был разоблачён, и в моей карточке записали 0,7 для левого и 1,0 – для правого глаза. После чего путь на штурманское отделение для меня был закрыт.

В расстроенных чувствах я вернулся в спортзал и, чуть не плача, стал собирать чемодан. Видя моё подавленное настроение, один из ребят сказал:

– Да брось ты расстраиваться. Пойди и перепиши заявление на радиотехническое отделение (РТО). Им не нужны такие высокие требования по зрению, как штурманам.

Конечно, это было совсем не то, что мне было нужно. Подумав, однако, я решил, что, с одной стороны, в кругосветку и радисты ходят, а, с другой, главное – закрепиться в мореходке, а там, может, удастся и на штурманское перевестись. Это сработало. Когда на плацу зачитали

фамилии поступивших, моя оказалась в списке РТО, и счастливых повели на склад получать форму.

Это был один из самых светлых моментов триумфа. Настоящая морская форма. Она включала рабочий комплект ХаБэ (хлопчатобумажная): форменка с треугольным вырезом на груди, штаны с застёгивающимся спереди клапаном и тяжёлые грубые ботинки, которые мы называли «говнодавами». Выходная форма отличалась более высоким качеством: тёмно-синяя фланелевка, чёрные брюки-клёш и блестящие кожаные ботинки. Кроме этого, полагалась мичманка с круглой кокардой с якорем, флотский чёрный ремень с тяжелой пряжкой, пара тельняшек, трусов, носков и комплект зимних шаровар китайского производства с начёсом, голубой «гюйс» с тремя полосками, шикарный чёрный бушлат с морскими пуговицами, «сопливчик» – чёрный плотный воротничок, закрывающий грудь в холодную погоду, вязаные перчатки и зимняя шинель, также чёрного цвета. Для парадов полагался белый чехол на мичманку и белые перчатки.

Беда была одна – всё это обмундирование явно рассчитывалось на чудо-богатырей, и на большинстве из нас сидело мешком. Почти все элементы одежды, кроме тельняшек, гюйса и трусов с носками, требовали портняжной подгонки. Для этого на нашем этаже в маленькой комнатке работала некрасивая и кривоногая девушка, которую звали Зинка. Понятно, что в начале очереди на подгонку сразу оказались наши старшие и более опытные товарищи. Впрочем, рабочие брюки можно былошить самому, вооружившись иголкой с ниткой, а всё остальное могло подождать. Я привёл свою выходную форму в порядок только летом, когда приехал в отпуск к матери.

Наш распорядок был таков. В 7:00 подъём, физзарядка (бег всей ротой строем), личная гигиена (умыться, побриться, почистить зубы), строем на завтрак, затем предстояло построение для проверки внешнего вида. Для этого нужно успеть почистить бляху ремня и пуговицы, смочив их асидолом и натерев щёткой, надраить ботинки сначала сапожной щёткой, затем бархоткой. Рота выстраивалась в две шеренги, производилась переключка, а потом старшина проверял соответствие Уставу причёски, ширины клёшей, наличие на них стрелок, пуговицы и ремень. Подъём заключался в том, что дневальный по роте изо всех сил орал: «Па-а-дъ-ё-о-ом!» и колотил в медную рынду, после чего старшины считали до двадцати и входили с журналом в четыре кубрика, по которым нас разместили. Тем, кто ещё не стоял ногами на палубе, в журналы вносились по два наряда вне очереди. Отрабатывать наряды можно было на кухне (чистить картошку – это не самый худший вариант), либо после отбоя, когда все ложились спать, драить гальюны и медяшку кранов в умывальнике.

После утренней переключки рота строем выходила на плац, расположенный во дворе главного учебного корпуса. Здесь начальник училища или его заместители зачитывали приказы перед курсантами, выстроенными в каре, затем все роты шли в свои корпуса на занятия. Штурманское отделение обучалось в главном корпусе, механики в другом, снабженном мехмастерскими, а у радистов был самый дальний двухэтажный корпус, за которым располагался рынок. С 12 до 13 часов мы обедали. Причем сам обед занимал всего пятнадцать минут, по десять минут на переход из учебных корпусов к столовой и обратно, а полчаса отводилось на послеобеденный отдых. В дневное время ложиться на койки для отдыха запрещалось. Только это правило строго соблюдалось лишь на первом курсе. После обеда еще одна-две пары занятий, иногда строевая подготовка или работы, которые нам находили начальники, затем ужин и роты отправляются на часы вечерней самоподготовки. В эти часы нужно находиться в учебных аудиториях, но никто не контролирует особенно, что именно ты делаешь. Поэтому в часы самоподготовки кто читает, кто «баланду травит». В половине одиннадцатого рота выстраивается на вечернюю переключку, а в 11:00 дневальный объявляет голосом отбой, звенит в рынду и обходит кубрики, выключая свет.

Конечно, весь этот уставной порядок строго соблюдается только у первокурсников, потом он становится всё свободнее и свободнее. На третьем курсе по команде «Подъём!» почти никто не собирается вставать, а встают лишь по крику дневального «На чифан!», что означает процесс поглощения пищи, видимо, по-корейски.

При подгонке одежды первым делом нужно было заузить клёши, потому что оригинальная из ширина составляла более сорока сантиметров, а мода в то время на гражданке была семнадцать сантиметров. На утреннюю поверку старшина выходил с линейкой и бритвой. Выявив, у кого ширина брюк была меньше тридцати сантиметров, старшина, чикнув бритвой по шву, располосовывал старательно сделанный шов «модника», давал ему положенные два наряда вне очереди и отправлял зашивать брюки.

В моём кубрике располагалась неплохая компания. Соседом слева у меня был Володя Якушенко – фантазёр и изобретатель, крепкого телосложения хохол. Справа – тихий и симпатичный таджик Сережа Мухамадиев по кличке «Муха», затем низенький крепыш Юра Шаханин – обладатель красивого баритона, и «Человек-гора» Коля Лушов из глухой сибирской деревни. В углу располагались вечно улыбающийся бывший сержант Иван Баташкин, вечно угрюмый Юра Солдатенков и отчаянный парень Володя Нечаев, а также бывший шахтёр, несколько придурковатый Серёга Елисеев. По другую сторону кубрика угол занимал намного старше нас возрастом лысоватый и спокойный мужик по фамилии Шевчук, которого все уважительно называли «дядя Валя». Рядом с ним располагался двухметрового роста Юра Астраханцев по кличке «Ханя», который от рождения обречён быть баскетболистом. Следующим был тихий Витя Жувагин, которые позднее выбыл по причине заболевания туберкулёзом, и полнокровный и весёлый Витя Гавриленко по кличке «Кострома», откуда он был родом. Коля Ляпкин в своих «бухгалтерских» круглых очках выглядел совершенно нелепо в морской форме, создавая впечатление попавшего на море по ошибке из комедии Гоголя «Ревизор». За Ляпкиным была койка кудрявого юноши Толи Васиновича с голубыми глазами – страстного поклонника Сергея Есенина, затем корейца Димы Чена, альбиноса Саньки Зуева, отлично игравшего на мандолине, забавного коротышки Борьки Росланкина и нервного боксёра Олега Козлова по кличке «Козлик», глядя на которого можно было сразу определить, что он плохо кончит. Далее располагался сильно побитый жизнью Боря Вьюсов с грустными глазами, которому жена изменила, как только он вышел матросом в первый рейс, вечно шмыгающий носом беззлобный Вовка Дульцев. Был ещё ничем не примечательный Витя Смоляков, поступивший в мореходку после десятого класса.

Вот с этими ребятами мне предстояло прожить в одном кубрике четыре года, которые потом сделали нас более близкими, чем родные братья. Я полюбил их всех за эти годы и принял со всеми их недостатками, даже тех, кому я, наверное, не пришелся по душе из-за разницы в возрасте, воспитании и мировоззрении. Я хорошо помню их и теперь, через морок пять лет после окончания мореходки. Многие из них сейчас уже нет в живых. Ханя умер от рака, Козлик выпрыгнул за борт по пьяни, Дульцев по той же причине выпрыгнул с пятого этажа, Васинович сгорел от водки, Якушенко тоже не слабо прикладывался, хотя протянул достаточно долго. Только Муха и Димка Чен до сих пор ходят в море.

*Смотрю на ваши лица
И радуюсь за вас.
Все чаще стали сниться
Мне бурса и братва,*

*Наряды и авралы,
Подъём, чифан, отбой, —
Всё в памяти осталось*

У нас, мой друг, с тобой.

*Остались наши фото,
Что бережно храним.
Мы всё пропьем, но флота
Вовек не посрамим!*

Санька

Саньку в нашем кубрике звали еще «Бухенвальдом», прочие ребята дали ему кличку «Тошой». А всё из-за его непомерной худобы. Честно признаться, более худого человека в жизни я не встречал, ни до того, ни после. Практически, это был скелет, обтянутый шкурой. С самого начала у меня было подозрение, что у него что-то не в порядке с желудком. Однако ел он всё, что нам давали и болел крайне редко. Может быть, впечатление худобы усиливалось оттого, что Санька был довольно высокого роста, и весь какой-то членистоногий. Как выяснилось позже, здоровье у него было – дай бог каждому из нас.

Санька был исключительно добродушным парнем, и потому с самого начала стал главной мишенью постоянных насмешек, иногда беззлобных, а иногда и довольно ехидных, что определялось целиком характером насмешника. В конце концов, всякому приятно, когда рядом с тобой еще более нескладный и нелепый человек, чем ты сам. На его фоне ты выглядишь просто суперменом, разве что без кольца. Кроме того, Санька был очень увлекающимся человеком, и вот эти его увлечения были самым интересным свойством его натуры, разнообразящим нашу курсантскую жизнь, состоящую из подъема, зарядки, завтрака, утренней поверки, развода на занятия, обеда, часа свободного времени, строевых занятий, ужина, занятий самоподготовки, вечерней поверки и отбоя.

Прежде всего выяснилось, что Санька – радиолобитель. Нет, конечно, в других кубриках нашей роты были ещё два радиолобителя, но мы-то понимали, что Санька – главный. В первое же воскресенье, он притащил из каптерки в кубрик свой знаменитый сундук. Впрочем, по морской терминологии его правильнее было назвать «рундуком», причём это был не рундучок какой-нибудь, а именно рундук. Массивный, из добротного дерева, с прочной ручкой и навесным замком. Всем стало интересно: что же в том рундуке ховается. Первая мысль: учитывая украинскую фвмилию Саньки, там вероятнее всего могло быть сало. Заинтересованные лица пододвинулись поближе. Жрать нам хотелось в те годы просто непрерывно. Именно, не кушать, смакуя неторопливо, а поглощать, глотать, хавать, шамать и чифанить. Вы же понимаете, что такое растущий организм, а организм у каждого из нас был в самом расцвете роста.

Когда замок был снят и крышка рундука откинута, сдержанный вздох разочарования пронесся по кубрику. Ровно половина рундука была забита плотно уложенными стопками журнала «Радио», а во второй его половине были навалены кучей самые разнообразные радиодетали: лампы, трансформаторы, алюминиевые шасси, мотки цветных проводов, коробочки с диодами, транзисторами, сопротивлениями и конденсаторами. Толпа уважительно замерла. Всякие специальные знания, отделяют незримой стеной почтения обладателя этих знаний от остальной толпы профанов. Непонятно было только, как он смог дотащить из каптерки своего набитого доверху знаниями и электронными премудростями друга. Я бы, например, даже не смог оторвать его от палубы.

Санька сел на койке по-турецки, запустил руку в рундук и выудил наугад один из журналов. Я обычно первые пять страниц автоматически пропускаю, и не только в журнале «Радио», а и в любом другом. Там всегда располагается тоскливая партийная мутота про исторические перспективы очередного партсъезда, призывы крепить, усилить, повysить и ответить ударным трудом. Нет, Санька был не такой. Он был дотошный. Не могу сказать, что он читал внимательно, вдумываясь во все партийные слова. Вдумываться в них по-моему просто невозможно. Обычного смысла там просто нет, а в поисках какого-либо другого можно элементарно сломать мозги. Санька скорее неторопливо перелистывал все страницы, чтобы не пропустить чего-нибудь интересного. И вот его взгляд надолго застыл над какой-то оригинальной конструкцией, затем он негромко так бормотал: «Ну что ж, будем делать трёхкаскадный супергетеродин». Затем он клал справа от себя раскрытый журнал и начинал выуживать из недр своего

рундука необходимые детали и инструменты: паяльник, тестер, лампы, проводники. Дело это растягивается не на один час, и даже самые любопытные отходят и понемногу начинают заниматься своими делами. Где-то после обеда всё, что можно было добыть в просторном чреве высоконаучного друга, аккуратно отложено в сторонку, и тут выясняется, что не хватает, собственно, самой малости – двух конденсаторов и лампы. Избалованный современный городской радиолобитель, конечно, тут же побежит в магазин, где продают радиодетали. Но нам следует учесть, что, во-первых, курсантам платят степешку в шесть рублей на четыре недели (на которую следует купить крем для ботинок, асидол для чистки пуговиц и сигарет, если куришь), а во-вторых, в наше время нужные детали в магазинах не лежали. Их обычно заказывали через Посылторг или чаще всего воровали, где придется. Все эти варианты категорически не подходили для Саньки. Он был до неприличия честным и, само собой разумеется, безденежным парнем. Однако, все радиолобители образуют особый клан посвященных. Они постоянно обмениваются какими-то деталями на совершенно бескорыстной основе. Ясное дело – Санька пошел к радиолобителям, и к ужину он находит две из трёх недостающих деталей. Финал кажется уже совсем не далеким, однако, воскресный день так короток. Вечером по телеку показывают очередной детектив века или чемпионат мира по футболу. Супергетеродин ждёт своего часа.

В следующее воскресенье заветный сундук вновь занимает почётное место у санькиной койки. К некоторому удивлению публики история супергетеродина в этот день не получает своего естественного продолжения или завершения. Санька вновь запускает руку в рундук и наугад вытаскивает другой журнал, с час примерно внимательно его изучает, потом взгляд его застывает на какой-то странице, и он негромко произносит: «Очень интересная конструкция магнитофона. Пожалуй, надо сделать». Вы уже догадываетесь, что весь цикл манипуляций с супергетеродином без единой поправки повторяется теперь с портативным магнитофоном. После четвертого или пятого цикла публика откровенно ржёт над Санькой, и это уважительное «наш радиолобитель» принимает совершенно иной, ехидный оттенок. Правда своих секретов перед другими кубриками мы не раскрываем, потому, что иметь своего радиолобителя, как предмет гордости, спящий на соседней койке – это достаточно серьёзно, хотя бы для самоуважения.

Второй талант Саньки раскрылся неожиданно. Пришел к нам новый физрук и, решив присмотреться, кто чего стоит, сказал:

– Сегодня бежим на полторы тысячи.

Народ отнесся к этому предложению по-философски. Вот если бы это был, скажем, спор на что-нибудь съедобное или на курево. А так, ну что ж. Как указал поэт: «Сказали мне – мечи, и я мечу...». Щёлкнул секундомер. Побежали. Все-то побежали, как нормальные люди, а вот Саня наш ненаглядный рванул, как от расстрела. Чем, кстати, больше удивил даже не нас, а физрука. То, что он оторвался от остальных почти на круг – это понятно, мы бежали не за медалями. А вот тренер, взглянув на секундомер, просто расцвел: шутка сказать – каких-то долей секунды не хватает до первого разряда, и это не в секции бегунов, а в обычной группе общефизической подготовки. Тренер – к Саньке:

– Вы раньше занимались бегом? В соревнованиях участвовали? Разряды имеете?

На все эти вопросы Саня отвечает:

– Нет. Просто иногда люблю побегать для души.

Вот вам и «Бухенвальд», ай да «Тошой», ай да сукин сын! Тут тренер буквально вцепился в Саньку, как бультерьер в ногу старушки:

– Приходите к нам в секцию, и никаких возражений. У Вас ярко выраженный талант. Я из Вас чемпиона сделаю, почище Валерия Борзова.

Конечно, каждому приятно услышать о себе такие слова, и в мозгах у Сани произошли какие-то необратимые процессы, какие-то завихрения мысленных потоков с потоками элек-

тронов. Видения лавровых венков, золотых кубков, чемпионских лент и восхищенных взглядов прелестных девушек сладким туманом надолго поселились в его черепной коробке.

Чего-чего, а вот характера Саньке было не занимать. Вся его жизнь изменилась буквально со следующего утра. Мы ведь и так каждое утро после подъёма всей ротой выбегаем на пробежку, независимо от погодных условий. Бежим полусонные, зевающие, невыспавшиеся. Бежим, чертыхаемся и думаем: «Ну какая же сволочь и садист придумала все это. Какой контраст перехода от самого сладостного что только может быть – сна – к этой грубости реальной жизни. До чего же холодно! И этот сволочный ветер норовит прямо в лицо, независимо от того, в какую сторону ты бежишь». Это всё, конечно, мысли простых, мелких людишек, скажем прямо – слюняев. Конечно, будущим чемпионам бегать с ними не только не интересно, а где-то даже позорно. Потому-то раньше Санька и был совершенно неприметен в общей массе.

Словом, договорился он со старшиной, что будет заниматься по индивидуальной программе тренировок. Серьёзность своих намерений он продемонстрировал тем, что вставал раньше склянок подъёма. Кто хоть раз поднимался он зычного рева дневального: «Подъём!», способен оценить, что это может потянуть не ниже, чем на подвиг. Бегал он, конечно, не только после подъёма, но и на секционных занятиях, а также по субботам и воскресеньям. Самое чудовищное, что вскоре ему и этого показалось мало. Книжки он начал читать про великих бегунов современности и древности, отечественных и зарубежных. И вот вычитал, сукин кот, что какой-то наш, кажется, советский фанат прибывал к ботинкам свинцовые пластины и бегал с ними на тренировках. Все по суворовской тактике «тяжело в ученье – легко в бою». Надо сказать, что только выходные наши ботинки напоминают формой и весом гражданские, рабочие же ботинки, которые мы носим повседневно и называем между собой «говнодавами», сделаны из толстой свиной кожи, имеют массивные подошвы из литой резины и весят в два с половиной раза больше выходных ботинок. По мне, так они и без свинцовых пластинок чудовищно тяжелы. К концу дня обычно едва ноги волочишь, а тут еще и передвижения роты – только строевым шагом.

Но не таков наш Саня. Вариант со свинцовыми пластинами показался ему слегка сложноватым. Кроме того, трудно в нём постепенно и монотонно увеличивать нагрузку в соответствии с планом тренировок. Идет наш Саня к ребятам, занимающимся легководолазным спортом. У тех есть специальные пояса, на которых крепятся металлические грузила – прямоугольные пластинки, надевающиеся с помощью пазов на ремень. Ясное дело, что здесь элементарно варьируется вес грузил в соответствии с весом спортсмена. А нужны эти грузила, чтобы легче было сбалансировать архимедову выталкивающую силу, и можно было быстрее погружаться. Берёт наш спортсмен у легководолазов пояс по утрам и бегаёт с ним. А был Саня, надо сказать, весьма стеснительным пареньком. Бегать прямо по улицам портового города с этим поясом показалось ему не очень удобным, не дай бог увидит какая-нибудь девушка, также бегающая по утрам, эдакое чудо – что может подумать? А вдруг подумает, псих какой-то бегаёт? Поэтому Саня наш бегал не вдоль улиц, а прямо по шпалам вдоль железнодорожных путей. Риск встретить там красивую девушку, конечно, был заметно меньше. Видимо, курс был взят верный, тренер был доволен будущим чемпионом. Но носу были первые в жизни соревнования. Лёгкое волнение, называемое у спортсменов «мандраж».

В мореходке вообще ребята все здоровые, каким-нибудь спортом занимается две трети из них. Но, конечно, самый популярный вид спорта – бокс. Город-то ведь портовый, и врезаться могут где угодно: на танцах, после кино, и просто вечером на улице. Ну а что вернее бокса может обезопасить тебя от нежелательных ситуаций, ясное дело – не классическая борьба. Прямо с первого курса в секцию бокса записывается чуть не половина. Потом, правда, значительная часть осыпается, когда навешают фонарей на тренировочных боях. Интересно послушать разговоры боксеров перед соревнованиями. Тема одна: в какую смежную весовую категорию перейти, чтобы избежать встречи с нежелательным соперником и явно выиграть

со слабаком. Дело в том, что у боксеров очень широкая гамма весовых категорий, и чаще всего, чтобы перейти в соседнюю нужно набрать или сбросить совсем немного граммов. Перед боем их взвешивают. Если хочешь набрать немного, подшей к плавкам металлические полоски, аккуратно завернутые в мягкую тряпочку, чтобы не травмировать в бою какие-либо особо важные органы. Сбросить – намного трудней. Самое простое – прямо перед соревнованием иди в баню, парься и потей, а потом не пей много воды.

И вот, назавтра соревнование по легкой атлетике. А сегодня у нас баня. Уж не знаю, что породило эту уникальную цепочку ассоциаций, но наш Саня произнес загадочную фразу: «Надо сбросить вес». От нелепости этой мысли все просто онемели на мгновение, а потом дружно заржали. На всём теле Сани вряд ли когда-нибудь можно было обнаружить хоть миллиграмм жира. Все решили, что такой классной шутки даже Никулину не придумать.

Идём в баню строим. Паримся, моемся, стираем робу, тельняшки. Все как обычно. Помылся и я. Стою себе в предбаннике, одеваюсь уже. Это тебе не на гражданке: время помывки ограничено. Вдруг шум какой-то в моечном отделении. Раскрывается дверь. Двое голых курсантов выносят Саню. Оказывается, сидел наш придурок на верхней полке в парной, вес сгонял. Потом чувствует – тяжело сидеть. Спустился вниз, вышел в моечное отделение, легкая слабость, головокружение... полная отключка. А упал он исключительно неудачно. Рядом стояла мраморная скамейка, на которую шайки с водой ставят. Вот об неё он и навернулся, да прямо виском. Хорошо еще, что вскользь.

Ну, конечно, обдали его холодненькой водичкой, очнулся, оклемался потихоньку. Да тут обнаружилась форменная конфузия. Дело в том, что, когда он навернулся-то башкой, какой-то хрящик в шейном отделе заклинило, и головёнка у нашего спортсмена – набок. Сама не распрямляется, болезненно это делать, да и опасно. Кабы чего не повредить, а то ведь и дурачком останешься на всю жизнь. Вызвались два добровольца, отвели они Саню прямо к хирургу. Ну этот спец всяких калек навидался. Сказал, что ничего, мол, страшного. Всё само постепенно на место встанет, если нежно так временами массировать. Переломов и прочих повреждений связок нет. И то хорошо. Соревнования, конечно, побоку. В это время мы, Саню шутками своими грубыми не допекали – пострадал человек за любовь к спорту. Но вот проходит время. Всё действительно встает на свои места. Выходит Санька на обычные занятия физкультурой. Тренер к нему: пора, мол, возобновить тренировки. Саня наш пожевал немного губами, размышляя, как бы это ему высказать поделикатнее, и наконец изрек: «С этим, бля, спортом – калеккой станешь». Со спортом было решительно покончено. А может быть зря?

Ни до мореходки, ни после я не встречал такого обилия талантливых ребят, собранных вместе. Может в береговой жизни мы просто не подозреваем о большинстве талантов окружающих нас людей. Они возвращаются из школы, с работы домой, и там раскрывают свои способности друзьям и близким. А тут-то каждый из нас все двадцать четыре часа на виду у других. Всем про всё о тебе известно. Любили музыку. Трое в роте хорошо играли на гитаре, двое – на аккордеоне, тот на домбре, другой – на трубе, всего не перечислишь. Конечно, самыми популярными инструментами были гитара и аккордеон, поскольку стоило образоваться какому-либо свободному окошку минут в тридцать, как в конце коридора у окна собирается публика, выносят инструменты и поют самые популярные шлягеры, туристские, лагерные песни, а нередко и романсы. У нас Игорь Шаханин обладал таким бархатным баритоном и с таким блеском исполнял цыганщину. И все это, естественно, без билетов и бесплатно. Причем каждый день.

Я тоже не избежал этой чарующей отравы, и начал постигать тайны аккордеона. Хорошо вам, если вы где-то ранее научились играть, и тут выдаете что-нибудь народное или классическое. Рейтинг резко прыгает вверх, а если есть талант – вы становитесь просто кумиром всей братвы. Общепризнанным кумиром по классу аккордеона был Санька Зуев, а его однофамилец Лёха Зуев очень проникновенно играл на домре. Мне же приходилось начинать с гамм

и арпеджио. Слушать это часами окружающим невыносимо. Меня отовсюду выгоняли, кидались ботинками, обещали тёмную. Играть приходилось, разложив ноты где-нибудь на подоконнике или даже в умывальнике.

Рядом с моей койкой стояла койка Серёжи Мухамадиева. Это был смуглый, очень симпатичный таджик с усиками, которые обещали обольстить не одну девушку. Он был из очень многодетной, по нашим меркам, семьи. То ли пятнадцать, то ли восемнадцать детей. Очень тихий, спокойный, совсем какой-то незаметный. Но у него был феноменальный музыкальный слух, который вначале проявлялся в том, что он насвистывал очень красивые мелодии с какими-то немислимими трелями и коленцами. Чёрт меня подери, если хотя бы половину этих мелодий он не сам сочинял. И вот как-то, совершенно незаметно для окружающих, Серёжа брал брошенную кем-то на койку гитару, отходил в укромный уголок и начинал почти неслышно пощипывать струны и что-то там насвистывать. Посидит, вроде, минут десять, потом у него заберёт гитару кто-либо из признанных кумиров. Проходит месяц-другой, трудно даже сказать, сколько, и вдруг как-то во время такого общего сборища одного из кумиров просят сыграть только что появившуюся песенку из фильма или по телеку. Выясняется, что он её ещё не слышал. Тут наш Серёжа берёт гитару, и выдал такое, что все просто обомлели. Сами знаете, как у нас играют в массах. Четыре ходовых аккорда – это уже много для приличного аккомпанемента. То же, что мы слышали, это были не просто аккорды. Какие-то немислимые переборы, вариации – просто отпад. Бурным рукоплесканием было отмечено рождение нового кумира. Собственно, удивляло только одно: от полного нуля до такой классной игры прошло никак не более двух месяцев. Никаких многочасовых тренировок. Его, вообще, никто не учил. Да, братцы, талант это всегда – загадка. Память у Серёжи была такой же феноменальной, как и слух. Ещё через пару месяцев он превзошел в виртуозности игры вообще всех остальных. Вот только не пел он никогда, стесняясь своего голоса, или считая, что у него голоса вовсе нет.

Сережин ошеломляющий успех произвел, видимо, глубокое впечатление на Саньку, но вначале это никак в нём не проявилось. Видимо, шёл какой-то внутренний процесс созревания идеи. Серёжа, кстати, так и не купил своей гитары, пользуясь нашим общим дешёвеньким инструментом. Больше того, он не проявил никакого интереса к изучению нотной грамоты, хватая все нужные ему мелодии и ритмы прямо из окружающей его жизни. А вот Саня однажды принес в кубрик совершенно новую гитару, только что купленную. Со свойственной ему фундаментальностью и педантичностью, вместе с гитарой он нёс под мышкой сразу три самоучителя игры на гитаре. Надо сказать, что слух у Сани тоже был отменный, насвистывая, он никогда не фальшивил. Так что, казалось бы, исходные предпосылки для гарантированного успеха были налицо. Конечно, Саня не мог подглядывать аккорды и аппликатуру у наших спецов. Не зная музыкальной грамоты и не получив образования в музыкальной школе, они имели явно неправильную постановку руки, а их приёмы игры были явно убоги. Как может правильно играть человек, который не подозревает, кто такой Каркасси?

Саня делал всё правильно. Теперь вместо рундука с радиодетальями по воскресеньям он обкладывался самоучителями и приступал к учебному процессу. Нетрудно объяснить, почему самоучителей должно быть не менее трёх. Один из них был раскрыт на той пьесе или этюде, который осваивается в данный момент. Другой иллюстрирует аппликатуру, или расстановку пальцев на грифе для той тональности, в которой исполняется пьеса, а третий даёт совет, какие именно ошибки подстерегают начинающего исполнителя при разучивании наиболее трудных мест. Как сейчас помню, первой пьесой была Санта Лючия. Классная вещь. До неё, конечно, были гаммы. Я уже упоминал, что слушать, как другие играют часами гаммы и арпеджио – просто невыносимо. Конечно делались попытки прервать этот изнурительный процесс: в Саню кидались ботинки, выкрикивались абстрактные угрозы («Таким козлам играть только в сортире» – это самая приличная из них) и вполне конкретные («Кончай, сволочь, а то ведь уда-

вим»). Саня был непоколебим, как Медный Всадник. Он игнорировал ботинки, слов же он просто не замечал. Процесс продолжался и, как ни странно, все почему-то смирились и ругались всё реже и всё более вяло. Наверное, потому, что Саня был таким безобидным, что бить его не имело никакого смысла – это всё равно, что бить ребенка, который никогда не сможет дать сдачи.

Остановлюсь чуть подробнее, как продвигались дела с этой итальянской канцоной. Саня смотрел на первую ноту, отсчитывал нужное число линеек, повторяя движениями губ названия известных ему нот, начиная от «до», и определял, что это нота «ре». Далее он переводил взгляд на другой самоучитель с аппликатурой и вычислял, что эту ноту нужно исполнять на второй струне, прижав её четвёртым пальцем левой руки у второго лада. Третий же самоучитель предупреждал, что для прозрачности звука палец следует ставить как можно ближе к порожку, а запястье правой руки должно быть выгнуто очень высоко над грифом, после чего второй самоучитель рекомендовал извлечь звук четвёртым пальцем правой руки над самым отверстием верхней крышки корпуса, причём движение правой руки должно быть строго перпендикулярно направлению натяжения струн, иначе звук окажется смазан и будет содержать ненужные призвуки. Сам же щипок должен быть энергичным, но не чересчур сильным, иначе будет слышен дребезг струны. Сечёте, сколько правил нужно выполнить одновременно для того, чтобы извлечь один только звук, а ведь их в этой пьесе гораздо больше. Словом, после того, как окружающие слышали некий чистый и правильный звук (это гарантировано педантичностью Сани), нелёгкий процесс извлечения следующего звука повторяется в полном объёме с плавным переходом глаз скользящими движениями между всеми тремя самоучителями. После месяца напряжённейших тренировок Сане удавалось сократить интервал между соседними извлекаемыми звуками до сорока – сорока пяти секунд, в зависимости от номера струны. Согласитесь, что, с одной стороны, налицо несомненный прогресс в этом нелёгком искусстве, но, с другой стороны, посторонние слушатели постоянно находятся на грани нервного срыва, ибо слушать этот «бзынь» с интервалом почти в минуту – невыносимо. Видимо, это связано с тем, что в таком темпе, услышав очередную ноту, успеваешь забыть звучание предыдущей ноты, каждая из которых исполняется совершенно правильно, в соответствии с рекомендациями ведущих педагогов гитарного мастерства. Тогда самая прекрасная мелодия рассыпается на отдельные ноты, и ты теряешь мысль. Разумеется, читать книжку во время саниного исполнения – просто невыносимо. Текст у вас также рассыплется на отдельные буквы, и вы имеете все шансы стать на много лет пациентом психиатрической клиники.

Что мы только с Саней не делали. И к совести зывали, и чудачком на букву «м» называли. Всё было бессмысленно и бесполезно. Уж если Саня что решил... Вы просто не поверите: прошла ещё пара месяцев, а Сане удалось сократить средний интервал между звуками лишь до тридцати пяти секунд, и то это ещё зависело от настроения и степени усталости. Постепенно мы привыкли к этой нанайской музыке, отстали от Сани, и, наверное, были бы удивлены, если в очередное воскресенье не получили бы заслуженной порции музыкальных классических шедевров. Остальные виды звуков: популярные песенки, частушки, эстрадные пьесы – Саня музыкой не признавал, относя все это к шумам. Для него музыка начиналась минимум с Моцарта (слегка легкомысленен, местами развязен), Шопена (далеко не всё гениально). Только старина Бах с глухим Бетховеном были вне критики, даже самой лёгкой.

Очередное увлечение закончилось так же неожиданно, как и началось. Только остался у всех какой-то ностальгический осадок, как бывает в тех случаях, когда ваша любимая ни с того, ни с сего уходит к другому. Был какой-то особо мерзопакостный день. Унылый дождик зарядил с самого утра. В такие минуты кажется, что вся твоя жизнь, в целом, не удалась. Вон уже какой обалдуй вымахал, а что ты собственно такого успел сделать? Ясно. Всё надеешься, что главное ещё впереди, ещё успеешь сделать. Думаешь что вечно жить будешь? Это настроение передается с легкостью от одного к другому, когда вот так годами все двадцать четыре

часа живёшь с ними в одном кубрике. И вот уже лежат все на застеленных койках (нарушая Устав!): один в книжку уткнулся, другой в зубах ковыряет спичкой. Тоска. И только Саня наш, как пчёлка, корпит уже над второй пьесой «Ах вы сени, мои сени». Входит Вася Васинович (На самом деле его звать Толей, но приклеилось именно Вася) – поклонник Есенина – с вечно красными глазами (болезнь что ли какая?), и говорит грустно так, по-дружески: «Всё играешь, сволочь?». Смысл-то вовсе не обидный был: играй, мол, паря, если не можешь иначе.

Однако именно в этот момент что-то в Сане внутри неслышно хрустнуло. Ему ведь тоже тоскливо было при такой-то погоде. Может подумал он: «Все люди, как люди, а я, как падла, прикованная к тачке, должен везти её в любую слякоть. За что? И кто меня приковал? – Я сам». Впрочем, это я все фантазирую. Может, он что-либо другое подумал. Только встал он с коечки не торопясь, как в замедленной киносъемке, взял гитару свою (почти новую!) двумя руками за гриф, да как ахнет о спинку койки. Пронзительно жалобно взвыли в последний раз струны (впервые одновременно), а Саня коротко сказал: «С музыкой – всё»!

Козлик

Олег Козлов вырос в заштатном портовом городке дальневосточного побережья. Сколько он мог себя помнить, его постоянно били. Били родители: за то, что их сын растёт бандитом, а не юннатом и отличником; по-пьянке, когда не на ком больше выместить обиду за свою нелепую, неудавшуюся жизнь; по трезвой лавочке – со злого похмелья, а также по-привычке, ибо известно, что битие – это наиболее проверенная веками форма воспитания подрастающего поколения. Били также сверстники из других подростковых банд, потому что чужих положено бить – это аксиома. Кроме того, били свои, потому что нет другого способа выяснить положенное тебе место в этой жизни.

Так же, как ежедневные тренировки гитариста делают подушечки его пальцев каменными, постоянное битие делает душу нечувствительной к побоям, а сами побои начинают распознаваться как особый специализированный язык. Вот это – просто дружеская оплеуха, вот равнодушный тычок в бок, вот злой прямой удар под дых, а это – опасный и яростный пинок кованым матросским сапогом. Столь энергичная школа жизни побуждает вырабатывать и стандарты поведения. Если бьёт явно более сильный, не с целью поучить, а чтобы вырубить и покалечить или их слишком много, нужно стараться свернуться крутым яйцом, чтобы не было сильно выступающих частей тела, а голову следует закрыть руками. Если сам учишь кого помоложе – бей не торопясь, с оттяжкой. Надо же и удовольствие получить. Быстрее всего нужно соображать в ситуациях с заранее неопределённым исходом. Тут чаще всего исход решает то, кто именно ударил первым. Но и излишняя спешка может повредить, потому что неумелый и не продуманный удар лишь разъярит твоего соперника, удесятерив его силы. Только умный, хорошо рассчитанный и точный удар вырубает или обессиливает врага.

Эти простые аксиомы были затвержены прочно, записаны в подкорку, стали рефлексамии. Поступив в мореходку, Олег понял: эта ватага ему подойдет, здесь он далеко не самый слабый, и с его, каким ни на есть, жизненным опытом здесь он не пропадет. Другой бы расслабился, размяк, но отличная портовая выучка этого не позволяла. Спокойным парням он казался излишне нервным, эдаким пританцовывающим и вечно бодающимся козликом. Так его и прозвали, тем более, что фамилия вполне соответствовала. Козлик наш, однако, чуть ли не с первых дней записался в секцию бокса. Весу в нем было немного, эту весовую категорию принято называть «мухачами». Но зато на занятиях на профессиональном уровне рассказывают о расположении болевых центров, а тренировочные бои – «спарринги» оттачивают силу и точность удара. Так что наш Козлик имел все шансы превратиться в здорового козла, не будь он так нервен и нетерпелив. Высоцкий тогда уже написал свою фразу «...Ведь бокс – не драка, это спорт отважных и т.д.», но Олег ее не слышал, а если и слышал, то посчитал пустой красивой фантазией. Поэтому, если в разговоре с вами он замечал какую-то неясную тень промелькнувшую в ваших глазах, или едва уловимые движения ваших рук казались ему чем-то подозрительными, его правая рука уже летела прямо вам в переносицу, а левая закрывала ему печень, хотя голова еще не успела взвесить ситуацию и принять решение.

Даже коечку Олег выбрал в самом дальнем углу кубрика: всё-таки стены защищают с двух сторон. По воскресеньям он надирался до соплей и не прочь был помахать кулаками. По этой причине на ринге Козлик особых успехов не имел. К учебе также не имел ни охоты, ни способностей. Зато постоянно попадал в разные истории, из которых некоторое время выпутывался удивительно легко и без потерь, как будто ведомый таинственной небесной рукой, которая приберегала его для каких-то особых свершений. Я не помню случая, чтобы из нашей мореходки кого-нибудь выгнали за неуспеваемость. До финиша дошли даже самые туповатые и получили такие же, как у всех остальных дипломы. Зато чаще всего выгоняли попавшихся

на пьянке и том бесконечном разнообразии художеств, которые реализуются после принятия соответствующей дозы.

К Новому году мы уже шесть месяцев были курсантами. Этого времени вполне достаточно, чтобы осознать себя членом морского братства, приобрести друзей, определиться с врагами и всеми прочими. Связи эти куда более прочные, чем, скажем, в школе или на работе. Там ты общаешься с одноклассниками или коллегами по восемь часов в день, исключая выходные, а здесь – все двадцать четыре часа в сутки без каких-либо исключений. Первое мероприятие, в котором надо было показать творческую или какую иную активность, заключалось в подготовке новогоднего вечера. В нашей мореходке было три отделения – штурмана, механики и радисты. Каждое из них готовило свою программу, затем новогоднее жюри оценивало эти программы и объявляло победителя. Проводились эти вечера в старом спортзале, который размещался в деревянном одноэтажном строении. Внутри здания был обширный зал, сцена и множество мелких комнатушек и кладовок. Вот только «удобства» располагались на улице в виде «туалэта типа сортир».

Талантов нам было не занимать, и к праздничному дню стены зала были расписаны праздничными сюжетами, под потолком висели нарядные гирлянды, а в самом центре с потолка свешивался огромный шар с наклеенными на него кусочками зеркал, который во время танцев освещался цветными прожекторами и пускал во все стороны весело прыгающие зайчики. К началу вечера зал был до отказа набит курсантами и ослепительно улыбающимися девицами из «педа» и судоремонтного завода в сверкающих блестками платьях. На входе стояли дежурные с красными повязками, которым входящие пары предъявляли пригласительные билеты. Такие же дежурные курсировали внутри зала, обеспечивая порядок, ибо пойти на танцы, не приняв хотя бы стакан винца, считалось попросту неприличным.

Легкий пушистый снежок, падающий на улицы праздничного города, слегка скрадывал оглушительные звуки эстрадного оркестра, несущиеся из спортзала, наполняя сердце безмятежным покоем и умиротворением. Нетвердою походкой уставшего от суеты моряка Олег вышел на крылечко, постоял немного и направился к деревянной будочке сортира, предвкушая скорое облегчение переполненного соками жизни организма. Зайдя внутрь, он долго шарил непослушными пальцами, пытаясь отстегнуть клапан флотских брюк. Наконец его попытки увенчались успехом. Однако концентрация внимания на движениях рук несколько ослабила бдительность остальных центров вестибулярного аппарата, и левая нога поскользнулась на предательской корочке льда. Проваливаясь в дырку сортира, Олег успел подумать: «Какой же я сегодня неуклюжий!».

Веселье было в самом разгаре. Новые пары уже подходили редко, и дежурные у дверей постепенно начали мигрировать внутрь зала, присоединяясь к танцующим подружкам. Сначала они отходили по очереди, меняясь после каждого танца, потом лишь изредка возвращались к дверям на случай появления бдительного начальства. В один из таких моментов они и увидели несколько необычного курсанта, входящего в зал. Вряд ли облик подвыпившего или даже пьяного курсанта они могли бы идентифицировать, как необычный. Также курсант в порванных брюках, с оторванными пуговицами, без головного убора или голубого морского воротника – «гюйса» скорее определялся, как нарушитель формы одежды без признаков экстравагантности. Эта же фигура несколько поражала воображение. И не столько не застегнутым клапаном брюк, сколько ни с чем не сравнимым ароматом сортира, расходящимся густыми волнами по праздничному залу. Дежурные дрогнули и отпрянули от двери, боясь, как бы вновь прибывший танцор не забрызгал их тщательно отутюженные брюки.

Развинченной походкой бывалого моряка Олег подошёл к молоденькой девице с глубоким декольте: «Разр-ште пргла-сть на тур вальса!». Неопытное создание падает в обморок то ли от экстравагантности ситуации, выходящей за рамки самых необычных фантазий, то ли от запаха, выворачивающего самые интимные уголки желудка. В этот момент рядом оказы-

вается дежурный по училищу – начальник нашего радиотехнического отделения. Ситуация кошмарных галлюцинаций, так неожиданно реализовавшихся перед его глазами, погрузила его в состояние ступора. Только рот его то открывался, то закрывался, как бы отдавая беззвучные команды. Когда дар речи наконец вернулся к нему, дежурный затопал ногами и страшным голосом зарычал: «Убрать! Немедленно! Этого мерзавца!».

Впрочем, это было легко сказать, но не так-то просто выполнить. Увидев робко сужающуюся вокруг него кольцо дежурных курсантов, Олег, уже искушенный в привычных потасовках на танцах, принял боевую стойку: «Покалечу, падлы! Да у меня все дружки боксёры, они вам навешают щас, тока свистну». Дежурные, однако, не были склонны к агрессивным действиям против измазанного в дерьме курсанта. Они приступили к переговорам:

– Пойдём, Олежка. Отдохнёшь в общаге, выспишься. Все будет нормально.

На такие дешёвые трюки Олега купить было не просто:

– Я танцевать хочу.

– Да ты посмотри на себя. Брючата простирнуть надо. Девушки тебя боятся. С кем танцевать-то будешь?

Тут Олег впервые осмотрел себя критически и неожиданно легко согласился:

– Пожалуй, придется простирнуть.

В общагу его вели, стараясь не приближаться слишком близко. Завели сразу в умывальник, где он снял брюки, замочил их в ванне и пошёл искать утюг. Дежурные с огромным облегчением вздохнули и мгновенно испарились.

Прогулка по свежему воздуху несколько отрезвила нашего Козлика, но не убавила того импульса, который неотвязно звал на поиски приключений в эту волшебную новогоднюю ночь. Он долго с остервенением тёр щёткой брюки, затем отжал их и приступил к глажке. Нагретый пар из под утюга источал сказочные ароматы, однако из кошмарных сказок. Надо было что-то придумать, иначе вечер мог безнадежно пропасть. Пошарив по тумбочкам товарищей по кубрику, Олег нашёл пузырек тройного одеколona и вылил его целиком, равномерно распределив по поверхности брюк. Когда же он провёл по ним утюгом, то вокруг распространился такой запах, в сравнении с которым прежние ароматы казались лёгким дыханием лесной фиалки. Зажав стремительно нос, Олег постоял ещё немного, не понимая причин столь странного эффекта, а потом философски вздохнул: «Значит, это – судьба!». Поскольку других брюк не было, он решил лечь спать. Однако надо было придумать, что делать с этими брюками, поскольку оставлять их в кубрике, где спят двадцать пять крепких ребят, было небезопасно. Наконец пришло гениальное решение. Он растянул брюки на перекладине швабры и вывесил их проветриваться на улицу, закрепив конец швабры в отверстии форточки.

В новогоднюю ночь армейские и флотские уставы соблюдаются не так строго: нет привычного времени отбоя, и в кубрики возвращаются поодиночке часов с двух и до утра. Каждый входящий испытывает мгновение полного отрезвления, зажимает нос и уже гнусавым голосом вопит: «Ну и запахок! Кто это тут обделался?». Хотя полный кайф получили лишь самые первые вернувшиеся. Они долго искали источник столь сильных и необычных ароматов, а обнаружив его, выбросили швабру с злополучными брюками в сугроб, пообещав поколотить шутника-хозяина. Затем открыли настежь окна и проветрили помещение. А в принципе, нос человека минут через десять-пятнадцать, как известно, адаптируется к любому запаху и больше его не замечает.

Подъём наутро также был относительный, встали лишь те, кто проголодался и решил позавтракать. После завтрака зашёл старшина, устроил подъем всем остальным и хмуро объявил, что в два часа состоится комсомольское собрание. Повестка дня: «Первое – персональное дело комсомольца курсанта Козлова, второе – разное». Козлик в этот день был особенно тихим, совсем потухшим. Он готовился к экзекуции и «осознавал». Дело его было практиче-

ски безнадежным, ибо из мореходки выгоняли и за более скромные художества, тем более – с первого курса. Однако, все мы и всегда на что-то надеемся в этой жизни.

Собрание проходило в привычной унылой атмосфере: все сидят тихо и ждут, когда же кончится эта бодряга. Комсорг объявляет повестку собрания и спрашивает, нет ли желающих высказаться? Поскольку каждый думает примерно о том, что, может быть, и ему придётся быть, со временем, на месте провинившегося, желающих не оказывается. Старшина вносит предложение:

– Пусть расскажет, как дело было. Как он докатился до такой жизни?

Вопрос, конечно, интересный, когда тебе говорят, что, мол, в кунсткамере Петра лежит заспиртованный двухголовый телёнок. Но, в данном случае, этот вопрос пахнет формализмом, поскольку и то, как он «докатился» мы наблюдаем по двадцать четыре часа в сутки ежедневно, да и саму финальную историю во всех её деталях видели практически все. Сам-то Олег её помнит, пожалуй, похуже остальных, по причине алкоголя и последующего стресса. И он мычит что-то невнятное, как двоечник, в очередной раз не выучивший урок. В общем, это тот самый типичный случай, когда рассказ о ярком событии гораздо бледнее самого события. Все вздыхают и почёсываются. Наконец рассказчик выдохся, и никакими дополнительными вопросами ничего из него уже вытянуть не возможно. Наступает переломный момент собрания. Все помнят завет Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай!». Наша задача – взять товарища на поруки. Но тут тоже спешить нельзя. Нужно, чтобы внешне это выглядело как самый распоследний вариант, найденный путём мучительных раздумий и мудрого взвешивания всех «за» и «против». В общем, домучили мы это собрание, и выписка из его протокола пошла в соответствующие инстанции, а Олег тихо растворился – опохмеляться. Впрочем, те пять нарядов вне очереди, что дал ему старшина, собственно наказанием никто не считал, ждали, действительно, кары небесной.

Однако, проходили дни, затем недели, а других оргвыводов не последовало, кроме стрижки наголо, что у нас также считалось одним из видов наказаний. Видать, хранил Олега какой-то ангел, приберегая его для дел иных. Дела эти время от времени происходили, не выходя за рамки обычных «промахов», караемых теми же нарядами. Так и дотянул наш Козлик до третьего курса, когда у кармы его, наверное, терпение лопнуло от скукоты и монотонности нашей жизни, и она выкинула уже иной фортель.

На третьем курсе пошли серьезные предметы, в том числе и выносимые на госэкзамены: теория гирокомпаса, радиоприемные и радиопередающие устройства. Но самым сложным считался курс радионавигационных приборов (РНП), включающий изучение не только основ импульсной и СВЧ-техники, но и конкретные конструкции пеленгаторов и радиолокационных станций. Нам казалось совершенно невероятным, что можно выучить и запомнить последовательность всех коммутаций и переходных процессов, которые может вызвать импульс, который гуляет по схемам, занимающим все четыре стены учебного кабинета. Народ заранее нервничал, понимая ничтожность своих знаний, которые больше походили на пёстрый набор заблуждений.

Начальник специальности знакомит нас с преподавателем РНП. Перед нами стоит совершенно карикатурная фигура. Кажется, его отрекомендовали нам Константином Михайловичем, но мы сразу окрестили его «воробушком», а звали потом его только Костей. Низенького роста, узкая птичья грудка, испуганные глазки, нервные, неуверенные движения рук и тихий голос. Видимо, в детстве он был маменькиным сынком, вечно болеющим, но оттого еще более любимым. От прочих ребят держался в сторонке, спеша с нотной папочкой в музыкальную школу, вместо того, чтобы попинать мячик или поиграть со всеми в войнушку. За это его откровенно презирали, дразнили и поколачивали, при случае. Весь генофонд, который передали ему поколения предков, был нацелен на интеллектуальный труд, поэтому Костя обречён был на учебу в институте. Впрочем, там продолжалось то же, что и во дворе. Сокурсники его

презирали за мягкотелость, отбирали степешку, чтобы сходить на танцы, и заставляли стирать им носки в воспитательных целях. Вся эта его предыстория была отпечатана на лице Кости крупными разборчивыми буквами. Было ясно, что в мореходке будет то же самое, что в детстве во дворе и позднее в институте.

Иной раз уму непостижимо, как вырастают в стране развитого социализма такие экзотические цветы жизни. Наши архаровцы сразу же прочно сели Косте на шею. Ему грубили на занятиях. Ему даже говорили, как непутевому младшему брату:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.